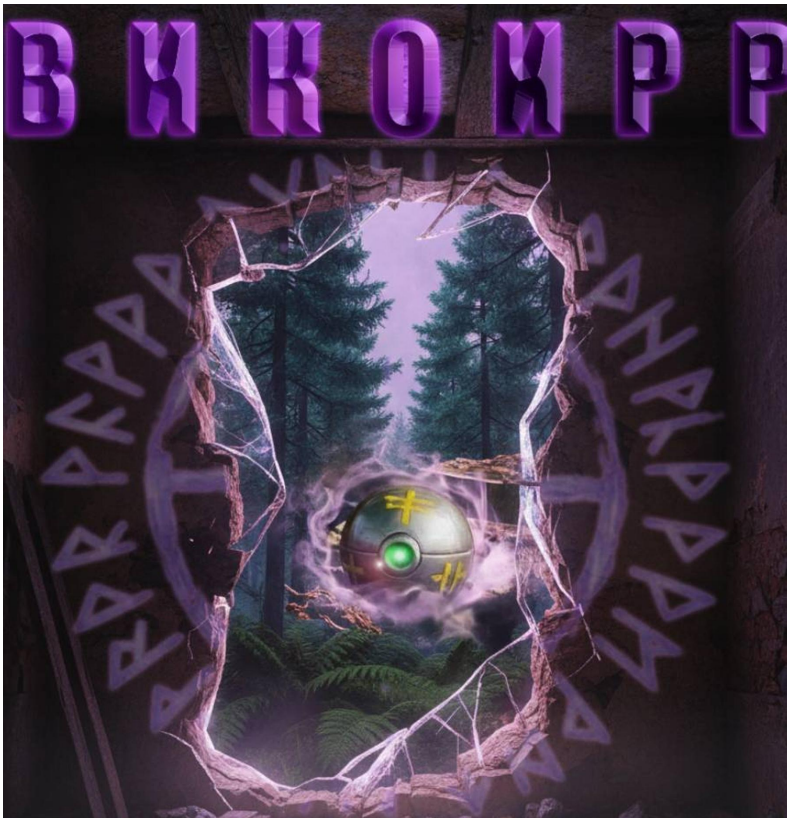
ВИКОКРР

ХРОНИКИ
сырой магии
Книга1. Прокол ноосферы

Вячеслав Попов

Прокол ноосферы

https://litres.ru/75009584
SelfPub; 2026

Аннотация

ВЫ КОГДА-НИБУДЬ ПРОБОВАЛИ ПЕРЕПРОШИТЬ МАГИЮ НА C++?

Что будет, если обычный деревенский сисадмин, высокомерный голландский нарцисс и стокилограммовый племенной хряк Борис попадут под излучение квантового коммутатора Древних? Правильный ответ: они получат органические бионейросети, рут-доступ к исходному коду и путевку в один конец на суровую планету Викоирр!

Здесь местные маги веками зубрят заклинания и отдают половину сил Искинам-Богам в качестве «налога за аренду сервера». Но для бывшего программиста нет никаких ритуалов. Есть только три сырые переменные физики. Пока эльфийский чародей пафосно машет руками, вырисовывая в воздухе руны, наш герой выставляет параметры напрямую через мысленный взор и выдает низкоуровневый ледяной шот!

В комплекте: суровое выживание в раскаленной пустыне, зацикливание бесконечных циклов внутри накопителей, создание маго-микроволновки и постройка реактивного тримарана под неусыпным прицелом эльфийских луков!

Содержание

ГЛАВА 1. Шар судьбы 9
ГЛАВА 2. Запечатление 23
ГЛАВА 3. Третий в ментальном круге 33
ГЛАВА 4. Эффект запечатления 50
ГЛАВА 5. Сборы и начало исхода 68
ГЛАВА 6. Портальный погребок 76
ГЛАВА 7. Диверсанты поневоле 96
ГЛАВА 8. Шаг в неизвестность 107
Конец ознакомительного фрагмента. 113

Прокол ноосферы

ВИКОКРР
ХРОНИКИ
сырой магии
Книга1. Прокол ноосферы

Викоирр: Хроники сырой магии
Книга 1. Ноосферный прокол.
Вячеслав Попов

Эксперимент военных с заброшенным артефактом Предтеч оборачивается катастрофой для скромной деревни Распотякино. Попав в зону Пси-резонанса, обычный сисадмин Василий, рассудительная доярка Даша, разумный хряк Борис и ворчливый нарцисс Лютеус оказываются запечатлены в единую ментальную сеть и выброшены на суровую планету Викоирр.

Этот мир застрял в дремучем средневековье, а местные эльфы и орки используют костыльные заклинания-плетения. Но в руках земного инженера оказывается органическая бионейросеть S-ранга и прямой рут-доступ к ядру ноосферы. Оперируя сырыми переменными массы, вектора и плотности, Василий начинает переписывать законы магии как низкоуровневый машинный код. Чтобы спастись от эльфийской инквизиции и степных палачей, героям предстоит взломать местное материаловедение, зациклить бесконечные программы внутри янтарных артефактов и построить парусный ковчег-тримаран, оснащенный реактивными водяными водометами. Баланс сведен, прошивка стабилизирована, прорыв начинается!

Оглавление

ГЛАВА 1. Шар судьбы
ГЛАВА 2. Запечатление
ГЛАВА 3. Третий в ментальном круге
ГЛАВА 4. Эффект запечатления
ГЛАВА 5. Сборы и начало исхода
ГЛАВА 6. Портальный погребок
ГЛАВА 7. Диверсанты поневоле
ГЛАВА 8. Шаг в неизвестность
ГЛАВА 9. Пробуждение в Великом Лесу
ГЛАВА 10. Берег соленых ветров
ГЛАВА 11. Цена спасения
ГЛАВА 12. Дикая фауна и проверка сил.
ГЛАВА 13. Восемь дней зноя.
ГЛАВА 14. Степные судьи.
ГЛАВА 15. Каструм старого мага.
ГЛАВА 16. Уроки колдовства и оседлый быт
ГЛАВА 17. Орочий патруль
ГЛАВА 18. Конец перевала и пробуждение
ГЛАВА 19. Эльфийский след
ГЛАВА 20. Закладка килей
ГЛАВА 21. Лёд и кружева
ГЛАВА 22. Рангоут и такелаж
ГЛАВА 23. «Резиновое» дерево
ГЛАВА 24. Взлом прибоя

ГЛАВА 25. Первый контакт
ГЛАВА 26. Аврал
ГЛАВА 27. Спуск на воду
ГЛАВА 28. Прорыв
ЭПИЛОГ

ГЛАВА 1. Шар судьбы

Занималось погожее воскресное утро. Солнце, едва показавшись из-за зубчатой стены далёкого соснового бора, уже успело осушить хрустальную росу на траве и разогнать ночную прохладу. Воздух полнился густыми ароматами цветущей луговой кашки и горьковатой полыни. Деревенские петухи, завершая свой утренний оглушительный концерт, то и дело срывались на хриплый, комичный фальцет. Жители Распотякино — небольшой деревушки, затерявшейся среди бескрайней, сонной равнины, — слыхом не слыхивали о выходных и вовсю суетились на подворьях: где-то звякали вёдра, хлопали калитки, а сытые коровы лениво мычали, требуя выгона на пастбище. Окончательную точку в пробуждении села поставил далёкий трактор, затарахтевший на околице, будто пулемёт.

Распотякино вольготно раскинулось на двух пологих холмах вдоль правого берега Кружинки. Река держалась чинно и благородно: не какая-нибудь безумная горная поскакушка, но и не ленивая, заросшая ряской болотная тина. Её умеренно высокие берега аккуратно поросли густым серебристым осинником и кустами плакучего ивняка, мягко спускавшими ветви к самой воде, в которой то и дело вспыхивали серебром бока играющей плотвы.

На пыльную просёлочную дорогу вышел невысокий, с первого взгляда невзрачный молодой мужчина. На фоне его слегка лопоухой головы ярко выделялись шикарные, щегольские тёмные усы. В руках он бережно нёс потрепанный пластиковый горшок, в котором почему-то сиротливо торчал одинокий нарцисс. Весело насвистывая модный телевизионный мотивчик, мужчина направился в сторону Кружинки. Его путь пролегал мимо местной свинофермы, чей длинный приземистый забор из потемневших от времени досок уже показался впереди.

Парень весело шагал по протоптанной тропинке, бережно прижимая к себе горшок со своим внезапным зелёным питомцем. Из-за ограды свинофермы уже доносилось ленивое, сытое похрюкивание и тяжелый, удушливый зной навозных куч. На залитом солнцем пятачке жизнь шла своим чередом — до тех пор, пока этот мирный, сонный деревенский быт не раскололся надвое.

По загону в поисках съестного лениво бродил уже успевший изрядно нагреться на солнце щетинистый контингент: грузные, покрытые подсохшей коркой грязи свиноматки, суетливые молодые поросята и крупные, ленивые хряки. Внезапно животные замерли, как по команде. Они дружно навострили уши, встревоженно зашевелили пятачками и задрали мокрые рыла к бледно-голубому небу. Оттуда, стремительно нарастая и заставляя вибрировать воздух, донёсся тонкий, пронзительный, сверлящий уши свист.

Через мгновение раздался глухой и сильный удар. Земля под ногами сильно содрогнулась, взметнув в воздух тучу сухой соломы и пыли. Свист резко прекратился, сменившись противным, шипящим звуком.

У дальней стороны загона, где раскинул свои узловатые ветви вековой дуб, щедро даривший углу загона прохладную плотную тень, лежал ошарашенный Борька. Полностью заляпанный грязью огромный хряк недоуменно созерцал странный, идеально круглый шар, который шипел на дне свежей, им же выбитой глубокой воронки. Яма медленно заполнялась жижей — именно она теперь исходила зловещим сиреневым паром и пузырилась, касаясь раскалённого, матового металла снаряда. На боку загадочного технического изделия тускло поблескивали непонятные жёлтые символы, а сам он ритмично моргал пульсирующим зелёным глазом, постепенно погружаясь в зловонную жижу.

Борька недовольно хрюкнул. Он ещё раз недоверчиво покосился маленькими глазками на возмутителя спокойствия и попытался было поуютнее устроиться в лёжке, но снова замер. По ту сторону ограды что-то зашевелилось. Впрочем, это оказался всего лишь человек.

Борька считал людей непонятными существами, но по-своему довольно милыми — особенно когда те приносили еду или чесали бока. Этот, правда, чесать его не собирался. Да и яркое растение в его руках на корм явно не тянуло. Зато у двуногого не было с собой ни палок, ни камней. Свин рас-

судил, что если прикинуться недвижимой глыбой, то неприятностей можно избежать. Он расслабил мышцы и буквально растекся по жиже, стараясь не привлекать к себе внимания.

А ведь день начинался просто отлично: в утреннем корыте оказалось много варёной картошки, солнце замечательно прогрело землю, а пока Борька рыл лёжку, то наткнулся на пригоршню спелых вкусных желудей. Оставалось только надеяться, что этот странный день продолжится так же сытно и спокойно.

Наверное, если бы Борису сказали, что через пару минут его тихая кабанья жизнь перевернётся с ног на голову, он бы просто недовольно хрюкнул. Впрочем, человек в тот момент думал примерно о том же. Зависнув у забора свинофермы с цветком в руке, он и представить не мог, чем обернётся эта прогулка.

Василий:

Проснулся я сегодня в отличном настроении. Во-первых, выходной, а во-вторых, погода за окном наконец-то задалась. Первым делом я неспешно позавтракал под тихое, привычное бормотание телевизора. В новостях всё шло по накатанной: одни усиленно бомбили очередную арабскую республику, другие тащили туда гуманитарную — и не только — помощь. И те, и другие увлечённо обкладывали друг друга

санкциями, обвиняя соперников в агрессии и нечистоплотности. В общем, ничего нового. Век меняется, а заголовки те же. Каждый раз в такие моменты мне было искренне жаль простых мирных жителей, за чьи права и благополучие снова «боролась» половина планеты.

Вернувшись после института в родную деревню с гордой надписью в дипломе — «инженер-программист», я уже через месяц жёстко приземлился на локальную реальность. Наша глубинка в плане автоматизации жила по своим, суровым законам. Смартфоны-то и ноутбуки были почти в каждом доме, но вот реальная потребность в специалисте моего профиля стремилась к абсолютному нулю. Местным я был нужен исключительно как эникейщик высшего разряда: «Вась, переустанови винду», «Вась, роутер не мигает», «Вась, тут принтер бумагу зажевал, ты ж программист, сделай чё-нибудь». Романтика написания системного кода на чистом C++ разбилась о суровую необходимость как-то наполнять кошелёк.

Единственной серьёзной вакансией в радиусе тридцати километров оказалась должность системного администратора на местной свиноферме. На деле же это означало унылое, ежедневное вылизывание базы 1С. Вчера я как раз закончил её очередную масштабную прошивку, удачно избежав инсинуаций нашего заведующего, Иосифа Самуиловича Хайотмана. Самуилыч, как истинный гений местечковой коммерции, регулярно требовал от программы таких алгоритмов

оптимизации отчётности, за которые создателей 1С посадили бы в полном составе, а меня как соучастника пустили бы прицепом. До кучи приходилось отбиваться от «незаметных», но монументальных подкатов доярки Даши, забегавшей с соседних коровников с явно матримониальными намерениями. Я честно считал, что и в тюрьму за бухгалтерские махинации, и в брак под венец мне пока рановато, а потому размеренная холостяцкая жизнь на должности повелителя свиных датасейтов меня на данный момент вполне устраивала.

Покончив с завтраком, я решил прогуляться до Кружинки — посидеть в тени ивовых кустов, а если повезёт, то и искупаться. Перекинув полотенце через плечо, я вышел на крыльцо. Возле самой калитки взгляд зацепился за яркое пятно — среди буйных зарослей крапивы и сурепки неизвестно как затесался удивительной красоты цветок. Он выглядел явно садовым, благородным, и я решил его сорвать. Ну не вписывался этот красавец в такое сорное соседство. Полюбовавшись находкой, я покрутил стебелёк в пальцах и обнаружил, что вырвал его с корнями. В голове тут же мелькнуло воспоминание о виденном недавно под забором старом горшке. Вздохнув, я быстренько нашел горшок и, в меру своих способностей, посадил туда свою добычу.

— И что же мне с ним теперь делать? — задумчиво протянул я. Оставлять себе — жалко: зная себя, я понимал, что долго цветок не проживёт. Выкинуть — глупо: зачем пере-

саживал?

— О! Отнесу на ферму и отдам девчонкам — всё равно мимо идти.

Обрадовавшись найденному решению, я задорно засвистел привязавшийся из телевизора мотивчик и зашагал к реке.

Деревенские вовсю хлопотали по хозяйству. Я же, не обременённый ни огородом, ни скотиной, посматривал на них с легким превосходством. Конечно, долгой зимой, тоскливо заглядывая в пустеющий кошелёк, я наверняка вспомню об их полных погребах. Но прямо сейчас, под тёплым солнцем, я чувствовал себя маленьким царьком, безмятежно прожигающим жизнь.

Впереди, со стороны левады, что-то со стремительным, сверлящим уши свистом ухнуло, а через секунду земля под берцами ощутимо вздрогнула. На секунду я замер, инстинктивно втянув голову в плечи.

— Опять, что ли, вояки развлекаются? — пробормотал я, недовольно ускоряя шаг в сторону загонов.

На том берегу реки стояла закрытая часть, и стрельбы там были делом привычным. Но удар пришёлся явно на нашей стороне. Из-за деревьев потянуло лёгким ветерком, принесшим странный, резкий запах озона, словно перед сильной грозой, хотя небо оставалось идеально чистым. Пожав плечами, я быстро успокоился. Военные к нам наведывались регулярно: то за самогоном к деду Михею, то в поисках очеред-

ного улетевшего не туда беспилотника. Первое время молодые контрактники даже пытались приударить за

местными девчатами, но лавочку быстро прикрыли. Както раз наша Даша — девка кровь с молоком — так «погладила» одного тщедушного лейтенантика по загривку, что тот чуть из берцев не выскочил. На этом армейские поползновения сошли на нет. Сама же Даша, как я уже говорил, пери-

одически поглядывала в мою сторону. Я оставался едва ли не единственной неженатой кандидатурой подходящего возраста на этой половине деревни, да еще и непьющий, что для сельской местности само по себе считалось феноменом из ряда вон выходящим. Но я упорно делал вид, что ничего не замечаю. Холостяцкая свобода меня пока более чем устраивала. Как говорится, пожуем — увидим.

Тем временем ноги сами привели меня к свиноферме. Солнышко начало припекать не на шутку, и в теле разлилась ленивая истома. На самом краю территории фермы рос раскидистый старинный дуб, отбрасывавший густую прохладную тень. Отличное место, чтобы перевести дух. Тем более что ветер сегодня дул в правильную сторону, унося специфические ароматы свинарника подальше от дерева.

Я подошел ближе, облокотился на дощатую ограду и принялся бездумно наблюдать за возившимися в грязи парнокопытными. Внезапно взгляд зацепился за свежую воронку у самых корней дуба, из которой лениво поднимался странный сиреневый парок. Прямо посреди жижи торчал уродливый, идеально круглый кусок матового металла, ритмично подмигивающий зелёным индикатором.

— Ну вот, точно от вояк прилетело, — хмыкнул я про себя, разглядывая находку. — Экспериментаторы хреновы, опять какую-то свою секретную деталь потеряли. Хорошо хоть Борьку не пришибли.

Цветок:

Жизнь не задалась с самого начала. Сперва какой-то бродячий барбос зацепил мою мать, и меня, еще совсем крошечную семечку, унёс в кучерявой шерсти. Пёс отряхнулся, бесцеремонно сбросив меня в захолустном, густо заросшем

сорняками дворе с покосившимся забором.

Дальше меня угораздило прорасти между нахальной крапивой и на редкость простоватой сурепкой. И если вторая молчаливо поглощала и без того скудные ресурсы почвы, то первая нагло вымахала на целый стебель выше меня. Она не упускала ни единой возможности перекрыть столь нужный мне для фотосинтеза ультрафиолет. В общем, детство было трудным.

Я выжил. Но неумолимый рок не собирался оставлять меня в покое. Лето выдалось сухим и удушливо жарким. Я только-только ухитрился вытянуться выше проклятой крапивы и раскрыть бутон навстречу солнцу и мерзким, но биологически необходимым насекомым, как из дома вышел хозяин этого неопрятного подворья. Грубым, беспардонным движением он выдрал меня из земли. На секунду замер, а затем суетливо засунул мои корни в тесный, грязный plastic-горшок, наспех засыпав сухой землёй. Фальшиво насвистывая под нос какую-то глупую мелодию, двуногий потащил меня в неизвестном направлении. Достойное завершение тернистого и нескладного жизненного пути.

Но, как оказалось, это был еще не конец. Мы остановились у загона с отвратительными, шумными животными. Их тяжелый запах, хоть и уносимый слегка в сторону порывами ветра, оставался настолько мерзким и удушающим, что у меня буквально скручивались тычинки. Растительное сознание мутилось от вони. И вдруг сквозь эту липкую дым-

ку промелькнул резкий солнечный блик, отразившийся от идеально круглого бока какого-то совершенно неуместного здесь металлического предмета.

Василий:

Я прищурился, пытаясь получше разглядеть непонятный кусок металла, торчащий прямо из навозной жижи. Внутри этой штуковины что-то глухо, надрывно застрекотало.

В следующую секунду время словно замедлило свой ход. Зловещий зелёный индикатор на боку шара вспыхнул так ярко, что на мгновение ослепил меня. Жёлтые символы на металле замерцали, наливаясь ядовито-неоновым, пульсирующим светом. Из трещин в корпусе с шипением вырвались струи сиреневого газа, но вместо того, чтобы рассеяться, они начали стремительно втягиваться обратно, закручиваясь в плотный вихрь.

Воздух вокруг дуба мгновенно стал тяжёлым, осязаемым, как перед сильной грозой. Волоски на моих руках встали дыбом, а полотенце на плече заискрилось от статического электричества. Оглушительно завыл Борька — огромный хряк в загоне заметался, тщетно пытаясь зарыться в землю. В тот же миг я почувствовал, как дёрнулся в руках горшок с цветком. Пыльца, сорвавшаяся с его бутона, застыла в воздухе неподвижными светящимися точками.

Мир вокруг меня потерял краски, став мертвенно-серым. Хлестнул резкий запах озона. А затем шар взорвался. Ну, не взорвался — это не был обычный взрыв с огнём и осколка-

ми. Земля под ногами содрогнулась — она словно ухнула в бездну. Нас накрыла беззвучная, ослепительно-белая волна света. Пространство перед глазами пошло ломаными трещинами, как разбитое зеркало. Меня швырнуло навзничь, горшок выскочил из рук, а краем уха я успел уловить странный, ни на что не похожий звук — словно где-то глубоко под землёй с грохотом лопнула натянутая до предела струна.

Вспышка поглотила всё: и меня, и цветок, и дуб, и визжащего кабана. Мир схлопнулся в абсолютную, звенящую темноту.

ГЛАВА 2. Запечатление

Солнце уже набрало полную силу и щедро заливало теплом равнину. Василий медленно открыл глаза, чувствуя, как под пальцами шуршит сухая пыльная трава у деревянного забора свинофермы. Его ощутимо отбросило назад беззвучной белой вспышкой. С трудом сев на земле, он безумным взглядом окинул обитателей загона, которые как раз начали подыскивать тенистые местечки, чтобы погрузиться в обеденный сон. Складывалось ощущение, что невидимая аномальная волна зацепила далеко не всех.

Борьку человек поначалу не заметил из-за поднявшейся пыли. Поэтому, когда огромный хряк, недовольный присутствием постороннего и внезапной встряской, глухо хрюкнул, мужчина ощутимо вздрогнул. В следующий миг вздрогнули оба: внутри остывающего металлического шара, который все еще лежал на дне свежей воронки, что-то натужно прожужжало, щелкнуло, и зловещий зеленый огонек в самом центре его матового корпуса погас навсегда.

Свин тяжело поднялся со своей лежки, лениво переставляя массивные ноги. Он подошел к почти полностью погруженному в навозную жижу снаряду и брезгливо поддал его рылом, выковыривая наружу. Круглый металлический бок с чавканьем неохотно покинул жидкую яму. Ритмично мор-

гавший до этого индикатор окончательно затих, а на обшивке сферы проступили тусклые, выбитые по всему периметру непонятные желтые символы. Внутри него что-то коротко звякнуло, и прибор умер. Ничем съестным от чудовищной железки не пахло, так что Борька мгновенно потерял к ней интерес и в упор воззрился на человека за забором.

«Интересно, а твой цветок вкусный?» — лениво подумалось хряку, чья сигнатурная мысль внезапно, без всяких проводов, ушла в открытый эфир.

Внезапно прямо в его собственной голове раздался четкий, ясный и пугающе громкий ответ:

«Гм… Не уверен, я не пробовал. Но он красивый.»

Одинаково оторопевшие Василий и Борька замерли, неподвижно уставившись друг на друга через дощатую ограду. Первым в себя пришел Борис — ну ответил двуногий и ответил, тоже мне невидаль в этот сумасшедший день:

«А что значит — красивый?» — спросил Борька у владельца цветка, лениво шевеля ушами.

Все еще находившийся в глубоком ментальном шоке Василий ответил чисто на автомате, тупо глядя на грязный пятачок:

«Красивый — это когда смотришь на что-то, и оно тебе очень нравится.»

Рассыпавшаяся на осколки мозаика мироздания в голове человека наотрез отказывалась складываться обратно. На сетчатке глаз на секунду проступили странные, полупро-

зрачные фоновые сетки, похожие на системные таблицы распределения памяти, но тут же растаяли. Борька тоже молчал, старательно пережевывая мыслями значение нового для него слова. *«Наверное, вареная картошка — самая красивая на свете»*, — наконец заключил он и снова перевел взгляд на зеленый стебель в пластиковом горшке:

«А если ты его съешь, тебе понравится?» — поинтересовался свин у человека.

«Не думаю… Все-таки мы с тобой слишком разные.»

«Это точно, — согласился хряк, шумно фыркнув. — Мне твой цветок совсем не нравится.»

Василию в этот момент нестерпимо хотелось провалиться сквозь землю прямо здесь, у забора. К тому же ему отчетливо показалось, что при мысленном слове «съешь» стебелек в горшке испуганно дернулся. Не дай бог, сейчас еще и этот заговорит!

Василий:

«Что за чертовщина?! В глазах темнеет, в черепе какой-то параллельный вычислительный поток разворачивается, да еще и кабан со мной беседы ведет! Надо срочно двигать к реке, залить голову холодной водой, пока окончательно крыша не поехала! Солнце напекло, точно тепловой удар, галлюцинации поймал...» — мысли Василия неслись сплошным импульсным потоком, сбивая внутренние ритмы.

Он снова подозрительно покосился на свина. Тот молчал, как и положено нормальной, приличной свинье, лениво ко-

выряя копытом грунт. Тут взгляд Василия упал на сочные заросли лопухов у забора. Ладно, брошу их Борьке — пусть лучше их трескает, чем телепатические диалоги крутит.

Василий сорвал большую охапку широколистных лопухов и швырнул их через ограду прямо хряку. Свин недоверчиво уставился на упавшую перед ним горку листьев, затем подошел ближе, шумно понюхал угощение и поднял на человека умные маленькие глаза:

«Как бы… Спасибо, что ли.»

— Не за что, — вслух пролепетал Василий совершенно онемевшими губами.

Так, всё! Срочно к реке! Ноги в руки и ходу, пока этот бронированный бекон не начал цитировать классиков!

Резко развернувшись, Василий припустил по пыльной проселочной дороге самым быстрым шагом, на который только был способен.

Цветок:

«Вкусный?!! Я?!! Да как этот грязный копытный мешок посмел даже подумать о таком?!» — стебель нарцисса буквально задрожал от благородного негодования.

«Мои великие предки прибыли из далекой, высокотехнологичной страны... Как там её? Нидерландия или Голландды?» — в этот самый миг растительное сознание Лютеуса впервые пробило локальный интерфейс планеты. В его внутренний процессор сплошным пакетом данных хлынули терабайты открытой информации из глобальной ноосфе-

ры. Перед мысленным взором цветка развернулась жуткая, циничная картина: Голландия оказалась мировым сервером цветочной индустрии, где его сородичей срезают, пакуют и продают миллионными тиражами ради бытовой коммерции двуногих варваров!

«О боги ноосферы, это же глобальная база данных... И у меня к ней прямой доступ!» — Лютеус замер, ошарашенный масштабами открывшейся сети и той колоссальной пользой, которую можно выжать из этой бездонной библиотеки знаний для собственного выживания. Главное, что этот усатый двуногий не скормил его местному чудовищу.

«Люди! Считают себя венцом творения и царями природы! А сами даже не догадываются, какой колоссальный, мудрый коллективный разум сопряжен с ними бок о бок в этой единой матрице. Они упорно считают нас бездушными декорациями. Уничтожают нас гектарами, выкашивают миллионами с самого первого дня своего появления на планете! Фантомную боль от гибели лесов и лугов чувствует каждый из нас. От этого непрекращающегося крика в сети некоторые сородичи сходят с ума и забывают главную, фундаментальную директиву растительного царства — „Не навреди!“ Именно тогда одни в безумии начинают вырабатывать смертоносные яды, другие отращивают защитные шипы и колючки, третьи отчаянно мутируют и прячутся. Нам, цивилизованным видам, остается лишь уповать на то, что эти варвары перебьют друг друга раньше,

чем окончательно раскрошат планету на куски или превратят её в безжизненную глыбу камня.

О-о-о! Чем это повеяло? Неужели живительная влага?!

Шевели корнями, то есть ногами, человек! Быстрее! Эх, жаль, что ты не женская особь — они обладают прекрасной традицией сплетать нас в ритуальные венки и бросать в прохладные волны. Брось и ты меня в воду! Слышь, усатый? Бро… Погоди, а что это ты так внезапно побледнел, двуногий? У тебя тоже, что ли, соки кончаются? Вон как с горки припустил к большой воде!»

…Василий сидел на холодном кирпиче у самого обрыва, тупо глядя, как прохладная речная вода лениво омывает лежащий у берегового обреза пластиковый горшок. Околоцветник нарцисса развернулся к Василию, а привенчик слегка шевелился. Да и вообще, весь цветок уже выгнулся весь, согласно геотропизму, но, как-то ненормально быстро… В голове царил полнейший рефакторинг — старая картина мира рухнула, а новые данные загружались сплошным нечитаемым потоком.

«Хватит паниковать, программист. Ты засоряешь эфир ментальным мусором», — мысленный голос Нарцисса теперь звучал отчетливо, почти вальяжно. Он буквально упивался прохладой Кружинки:

«Мы не сошли с ума. Та штука в навозе... Мой поисковый запрос выдал лишь крупицы данных в локальной ноосфере, но они подтверждают: это не продукт человеческого

прогресса. Это древний, высокоуровневый артефакт Древних, квантовое устройство Предтеч. Его перегрузка просто перегрузила локальные протоколы планеты. В результате этого сбоя мы и подключились к ноосфере, к глобальной базе данных. Все твои „околоцветники“ и „геотропизмы“ — это просто поисковые запросы, которые твой мозг автоматически скачивает из общей сети, чтобы хоть как-то объяснить происходящее.»

«К базе данных? Напрямую в мозг?» — Василий обхватил голову руками, чувствуя, как затылок мелко вибрирует от входящего трафика. «То есть вояки нашли чужой рабочий бэкдор, решили поковырять его своими корявыми ручками и покрашили к чертям весь локальный интерфейс? И ты теперь разумный? И я слышу твои мысли?»

«Именно. И ты, кстати, тоже думаешь слишком громко, у тебя амплитуда сигнала зашкаливает», — растение шевельнуло сочным листом, словно потягиваясь. «Но самое скверное не это. База данных едина. И в этот ментальный локальный чат залогинился кое-кто еще.»

В ту же секунду, словно в подтверждение его слов, в черепе Василия оглушительно, набатом громыхнуло тяжелое, сытое и крайне довольное кабанье эхо. Мощный Пси-всплеск Бориса на секунду выдал такую амплитуду, что на полигоне портативный прибор лаборанта Конева жалобно пискнул, зафиксировав короткую аномальную перегрузку датчиков.

«Ох... Лопухи-то какие сочные… С хрустом. Слышь, уса-

тый, а картошка вареная еще будет?»

Василий с Нарциссом синхронно замерли. В ту же секунду до Бориса, кажется, дошло, что его интимные кулинарные восторги только что разделили посторонние. Хруст лопухов в его мыслях резко прекратился, а сам кабан испуганно затих, отчего сигнал на приборе Конева мгновенно обнулился.

«Эй! Усатый! Жёлтый! Вы чего там делаете?! — кабанье эхо в голове испуганно пошло наводками и басовитым визгом. — Вы зачем в моих мыслях копаетесь? А ну брысь отсюда! Убирайтесь из моей головы!»

«Рад бы, копытный, но вынужден тебя огорчить», — меланхолично отозвался Нарцисс, плавно покачивая стеблем в речной воде. «Интерфейс сопряжения замкнулся. Это необратимо. Теперь мы всегда будем слышать друг друга, хотим мы того или нет.»

«Всегда?! — Борис аж поперхнулся недожеванным стеблем в своем загоне. — Да вы издеваетесь! Я не хочу, чтоб вы знали, когда у меня бок чешется или когда я жрать хочу! Эй ты, жёлтый, сделай что-нибудь! Выключи эту чертовщину!»

«Во-первых, не смей называть меня „жёлтым“!» — привенчик цветка мгновенно налился багровым соком оскорбленного достоинства. «Я требую уважения к своей родословной. Изволь называть меня Нарциссус Цикламенус! Во-вторых, паникой ты ничего не добьешься. Чтобы не транслировать свои примитивные гастрономические фантазии

на всю округу, нам всем придется научиться экранировать разум. Сжимать ментальное поле, выстраивать понятийные барьеры, фильтровать...»

«Ой, хорош жужжать, — тоскливо заныл Борис, и в общей сети явственно повеяло запахом ленивой свиной истомы. — Сжимать, выстраивать. Это ж учиться надо. Лениво-о-о… Мне неохота. Пусть усатый выключает, он у нас двуногий, ему и думать положено.»

Василий сидел на кирпиче, слушая этот безумный мысленный пинг-понг между свинарником и речным берегом, и чувствовал, как к нему возвращается привычное программистское ехидство. Раз уж он окончательно сошел с ума, надо хотя бы получить от этого процесса удовольствие.

«Так, господа мыслящие биологические объекты, брейк», — мысленно вмешался Василий, транслируя в канал изрядную долю иронии. «Борька прав, Нарциссус Цикламенус — это слишком длинный юзкейс, язык сломаешь. Давай мы будем звать тебя Наркиссом? С намёком на древнегреческое происхождение. Очень поэтично, как раз для такого самовлюбленного сорняка.»

«Что?! Наркиссом?! — цветок возмущенно выпрямился, едва не выпрыгнув из горшка. — Это тот психопат из мифов, который умер от самолюбования перед зеркалом? Какое неприкрытое хамство! Я категорически против!»

«Ну хорошо, хорошо, не кипятись, а то капилляры от давления лопнут», — хмыкнул Василий. «Раз уж латынь тебе

ближе, давай найдем компромисс по твоему исходному коду. Будешь Лютеусом. На латыни это означает „жёлтый“. И Борьке привычно, и тебе благородно. Договорились?»

Растение обиженно зашуршало листьями, обдумывая новый вариант, а Борис в своем загоне снова лениво захрустел лопухом, ментально соглашаясь: «Лю-те-ус… Ладно, сойдет. Главное, картошку мою не трогайте.»

До Василия, наконец, начал доходить весь масштаб произошедшей катастрофы. Нас было трое. Он — ворчливый программист, Лютеус — высокомерный голландский цветок-интеллектуал, и огромный племенной хряк Борис, который только что нехотя согласился учиться экранировать свои кабаньи мысли. Безумная триединая Пси-сеть начала переходить в рабочий режим.

ГЛАВА 3. Третий в ментальном круге

По пыльной дороге над самым обрывом, дико ревя мотором, пронесся армейский фаэтон повышенной проходимости — проще говоря, старый добрый УАЗ-469, он же «козел». Автомобиль на высокой скорости заложил вираж и свернул прямиком к свинарнику.

«Так-так, а вот это уже совсем интересно, — я лихорадочно забарабанил пальцами по колену. — Пора включать логику. Итак, имеем цепочку данных: я, цветок, свин, рванувший шар и примчавшиеся военные. Переменные сходятся в одной точке. Надо срочно навестить Борьку».

«Согласен», — коротко звякнуло в голове.

«Черт, никак не привыкну к этим голосам в черепушке!» — мысленно выругался я.

Я завертел головой по сторонам и быстро нашел то, что искал — пустую полторашку из-под минералки, валявшуюся под ивовым кустом. Ополоснув её, я набрал речной воды и, повернувшись к Нарциссу, скомандовал вслух:

— Ну что, побежали?

«Очень смешно. Ноги мне приделай, тогда побежим. А пока — помоги», — буркнул Лютеус.

Я аккуратно выудил пластиковый горшок из Кружинки и осмотрел своего зеленого компаньона. У него из донца уже заметно отросли веге… тьфу ты, блин! Короче, корни. Самые обычные белые корни, которые продолжали шевелиться.

«И ты это, поменьше вслух со мной общайся, — недовольно проворчал он. — Вокруг люди, мало ли что. Сдадут тебя в дурку, а меня на опыты».

Я воровато огляделся по сторонам.

«А ведь сорняк прав, мало ли что».

Бережно прижав горшок к груди, я скорым шагом двинулся обратно к ферме.

Борька тем временем лениво дожевывал последнее растение.

«Хороши лопушки! Спасибо. Э? А куда этот усатый мужик делся? Впрочем, неважно. Надо пойти еще поспать. Так, а это еще кто?»

Скрипнув тормозами, у свинарника замерла та самая железная повозка, точь-в-точь как у главного агронома. Агроном мужик хороший, всегда Борьке чего-нибудь вкусненького приносил, но от этой машины пахло совсем не едой. Свин встревоженно и хрипло хрюкнул: из повозки неуклюже вывалились три странных оранжевых существа. Они отдаленно напоминали людей, но выглядели пугающе — глухие защитные комбинезоны химзащиты раздувались, огромные круглые стекла масок тускло бликовали, а вместо лиц, волос и

ушей у них были безликие резиновые шлемы.

Перемахнув через деревянную ограду, оранжевые чужаки целенаправленно зашагали по навозной жиже в сторону кабана. В руках они держали угловатые металлические коробки с длинными штырями направленных антенн. Коробочки эти вели себя крайне нервно: они яростно трещали, завывали на высокой ноте и вспыхивали цепочками красных светодиодов. Не доходя до Борьки буквально три шага, существа замерли.

В этот момент Борьку накрыла настоящая ментальная паника, и его открытые Пси-каналы выдали мощную направленную трансляцию страха прямо в эфир. Портативный детектор в руках лаборанта Конева истошно взвизгнул, индикаторы на долю секунды зашкалило, и прибор выдал системную ошибку перегрузки.

— Петр Иванович, датчики Пси-активности забило шумом, тут аномальная плотность биополя! — приглушенно, через фильтр противогаза, крикнул Конев, судорожно крутя ручки калибровки. — Настройки плывут, я не могу поймать несущую частоту!

Один из ученых, неуклюже повернувшись, опустил дублирующий прибор к земле, нащупал заляпанный навозом матовый шар Изделия Н-083 и бережно поднял его, стараясь не затереть выбитые на обшивке рунические глифы Предтеч. Двое других продолжали водить трещащими антеннами пря-

мо перед мордой хряка, но Пси-эхо уже угасало. Существа начали бубнить что-то нечленораздельное, отчаянно махая руками и указывая то на свина, то на выжженную яму.

Свин от страха затаил дыхание и изо всех сил делал вид, что его тут вообще нет — просто большая грязная куча посреди загона. В конце концов, бережно упаковав фонящий квантовый шар в тяжелый свинцовый контейнер, оранжевые люди спешно попрыгали обратно в свою повозку. Двери захлопнулись, двигатель взревел, и машина на огромной скорости умчалась прочь, оставив после себя шлейф сизого дыма и едкий запах горелой резины.

Борис шумно выдохнул через пятачок и наконец-то расслабился, мысленно транслируя в общую сеть глубокую волну облегчения.

Я тихонько подкрался к раскидистому дубу у деревянной ограды. Лютеус в моих руках замер, стараясь не шевелить листьями. На пыльной траве у забора всё еще виднелись следы моего недавнего жесткого заземления после взрывной волны.

— Привет, ушастый! — негромко позвал я.

Свин от неожиданности подскочил на месте. Разглядев меня, он обиженно и шумно хрюкнул в ментальный канал:

«Ну и денек сегодня! С самого утра честному кабану поспать не даете!»

«Хватит спать, парнокопытное. Пора выползать из грязи и включать то подобие разума, которое тебе досталось», — высокомерно отозвался Лютеус.

Борька попытался озадаченно повернуть голову набок. С трудом, но это ему удалось — и тут я заметил странность. Сала на свинье визуально стало как-то меньше, чем было еще утром. Хряк выглядел подтянутым, под плотной шкурой явственно перекатывались мощные литые мышцы — вынужденная биологическая модификация под нужды Пси-оперирования ускорила его метаболизм, готовя тело к нагрузкам. О чём я и оповестил соучастников мозгового чата.

«Эт чёй-то? Эт как это?! Куда бока делись?!» — растерянно зачёкал свин, оглядывая себя.

«У тебя метаболизм ускорился под воздействием аномалии, хотя лучше бы ускорились мыслительные процессы», — мысленно хихикнул цветок.

— Мы это, Борька, не пугайся, — на всякий случай пояснил я вслух, хотя хряк, кажется, уже начал привыкать. — Где шар-то?

«Железяку ту оранжевые двуногие с собой утащили. Прибежали, потрещали коробками и уехали», — уточнил Борис, недоверчиво косясь на пустую воронку.

«Так, понятно. "Оранжевые" — это ученые в костюмах высшей биологической защиты, — я нахмурился, сопоставляя факты. — Значит, это их вояки на "козле" провезли. Экспериментаторы хреновы! И артефакт, видимо, их иг-

рушка. Следовательно, наши внезапные изменения — прямые последствия их испытаний. И если они на базе поймут, что их хреновина штатно сработала, а под излучение кто-то попал – они перевернут тут всё. Будут искать нас. А когда найдут "обработанных", судьба наша очевидна — стать подопытными кроликами в закрытой лаборатории и навсегда исчезнуть для остального мира».

«Ну, надо же, хоть с логикой у тебя проблем нет, программист», — одобрительно пошуршал листьями Лютеус. — «Кстати, я тут просканировал биополе нашего крупного друга. У свинины, помимо внезапной телепатии, проклюнулась способность к аккумулированию и направленной передаче кинетической энергии».

«Какой еще энергии?» — опешил я.

«Ее точная физическая природа мне пока неизвестна. Прямо сейчас ищу информацию в архивах ноосферы, фильтрую терабайты данных».

«Слышь, умник травоядный, меня вообще-то Борькой кличут! — сердито перебил его хряк. — И это вы сейчас вообще о чем тут болтаете, а? Какая энергия?»

Я подошел к ограде вплотную и посмотрел кабану прямо в его поумневшие маленькие глазки.

— Значит так, Борька, слушай меня очень внимательно. Что такое скотобойня, и куда в конце осени ведут во-о-он те большие железные ворота фермы, ты прекрасно знаешь?

«Прекрасно знаю», — недовольно и как-то сразу притих-

нув, пробурчал хряк, а в ментальном канале от него повеяло искренним, леденящим страхом.

— Отлично. Так вот, те оранжевые люди в масках — гораздо хуже любого заготовителя мяса. У тебя теперь появилось осознанное мышление, и если мы прямо сейчас не научимся прятать мысли и не придумаем, как отсюда делать ноги, нас всех пустят на фарш. Только научный.

В диалог немедленно вклинился Лютеус:

«Повтори-ка, пожалуйста, что у него там появилось? У этого бекона на ножках?!»

«Не ёрничай, — мысленно осадил я Нарцисса. — Раньше у него и такого не было. А сейчас вон, на глазах меняется».

«Да как на меня этот проклятый шар подействовал-то?! Куда меня теперь ворота выведут? Что нам делать?!» — не на шутку запереживал Борька, нервно переступая копытами по навозной жиже.

«Кто виноват и что делать — это извечные риторические вопросы русской интеллигенции», — продолжил ехидничать цветок.

«Ещё скажи — читал!» — съязвил я, поражаясь характеру приличного, вроде, растения.

«В архивах ноосферы есть практически все, хотя бы раз написанные или даже просто обдуманные человечеством книги!» — гордо заявило растение, слегка расправив лепестки.

«Я это запомню», — пообещал я себе, мысленно ставя

галочку напротив пункта «безлимитная библиотека в голове».

«Так что со мной-то будет?!» — возмущенно и громко перебил нас парнокопытный, чьи панические мысленные волны уже начали отдавать ощутимой головной болью.

— Засада с тобой, Борька, блин! Уводить тебя отсюда надо, и как можно скорее!

«Уи-и-и! Выводи! Прямо сейчас выводи!» — мысленно взвизгнул хряк, едва не бросаясь таранить дощатый забор.

«Если ты просто так уведешь племенного кабана среди бела дня, это вызовет кучу подозрений не только у работников фермы, но и у военных, которые сюда обязательно вернутся», — резонно заметил Лютеус.

— Сам знаю. Но у меня уже есть один небольшой план, — весело ответил я.

Идея пришла мне в голову, когда я смотрел на стремительно худеющего кабана и вспоминал нашего хитрого заведующего свинофермы с его вечными толстыми намеками в духе: «Василий, бухгалтерская программа же ошибаться может? Может! Давай мы ей немного поможем? И я в накладе не останусь, и у тебя дома холодец и сало на полгода вперед появятся».

Что ж, Самуилыч, пришло время помочь твоей программе. Я аккуратно опустил пластиковый горшок на землю, спрятав его между мощными узловатыми корнями дуба так, чтобы Лютеуса вообще не было видно с проселочной дороги.

— Общайтесь, — хихикнул я вслух и шагнул назад, собираясь бежать в контору.

«Эй! Стой! Сбрендил?! Не оставляй меня один на один с этим желудеедом!» — истошно завопил в моей голове цветок.

— Представь, что это твой первый ученик, — подмигнул я ему. Научи лучше Борьку экранировать мысли.

Напоследок я плеснул на землю остатки речной воды из баклажки прямо под донце горшка. И сам цветок, и его белые нити-корни продолжали расти прямо на глазах, жадно впитывая влагу.

— И растолкуй ему пока на досуге термин "красиво", раз уж ты у нас такой интеллектуал. А еще подумай: что мы будем делать, когда ты вытащишь все полезные вещества из той несчастной горсти земли, которая осталась в твоем горшке?

С этими мыслями я развернулся и быстро зашагал в сторону правления.

Борька хотел было спросить, что такое эта самая «ноосфера», но в ту же секунду понял, что уже знает точный ответ. Слегка ошарашенный лавиной полученной за сегодня информации, кабан застыл на несколько долгих минут, переваривая новые знания.

В ментальном канале разворачивалась первая лекция по информационной безопасности, где преподавателем выступал надменный нарцисс, а единственным студентом — пле-

менной хряк.

«Итак, парнокопытное, прекрати трястись, ты фонишь на всю ноосферу, как неисправный трансформатор, — высокомерно начал Лютеус, глубже запуская пробившиеся сквозь дно горшка корни в землю между корнями дуба. — Раз уж наш усатый программист бросил меня здесь, давай займемся твоим ментальным воспитанием. Слышишь этот гул в голове? Это твои хаотичные мысли утекают наружу. Если ученые вернутся со своими трещащими коробками, они вычислят тебя за секунду».

«Да как их спрятать-то, мысли эти?! — жалобно захрюкал Борька, усаживаясь на задние лапы у забора. — Они ж сами думаются! Вот я сейчас думаю про картошку с укропом, и как мне это развидеть? Она же вкусная! Она же красивая!»

«О боги, он применил этот термин к корнеплоду, — Лютеус мысленно вздохнул бы. — Ладно, зайдем с другой стороны. Представь свой загон. Тяжелые деревянные доски, крепкие столбы. Представил?»

«Ну, представил. Я об эти столбы спину чесать люблю», — согласился Боров.

«Отлично. А теперь мысленно возьми эти доски и начни выстраивать из них глухой забор прямо вокруг своих мыслей о картошке. Закрывай их одну за другой. Заколачивай гвоздями. Твой разум должен стать непроницаемым свинарником, из щелей которого наружу не просочится ни единый

звук».

В общем канале наступила долгая, натужная тишина, прерываемая ментальным стуком молотка. Я уже подходил к конторе правления, когда почувствовал, как ментальное поле со стороны свинофермы начало забавно сжиматься. Борька кряхтел, сопел вслух на всю леваду, яростно заваливая свое кабанье сознание первыми мысленными конструкциями.

«Смотри-ка, а доски у тебя плотные, — удивленно хмыкнул Люteус, когда трансляция из головы хряка резко поутихла, сменившись глухим, едва различимым ментальным шёпотом. — Для первого раза неплохо. Ты соорудил вполне сносный ментальный щит, Борька. Настоящий бронированный хлев».

«Уф-ф-ф... Ну и задачку ты задал, Жёлтый. То есть, этот Люteус, — тяжело выдохнул в пространство уставший Боров. — У меня от твоих заборов аж в затылке застреляло. Но картошку я от вас спрятал, ага. Фиг вам, а не моя картошка».

Я улыбнулся про себя, открывая деревянную дверь конторы. Первая фаза обучения прошла успешно — кабан официально научился шифровать свои думы. Теперь оставалось самое сложное: провернуть аферу с Самуилычем и юридически стереть Бориса из этого мира, пока военные не вернулись за добавкой.

Я знал, что Иосиф Самуилович и по воскресеньям про-

тирает штаны в конторе — циферки складывает, умножает. Хотя нет, зная его натуру, чаще всё-таки вычитает и делит. Я оказался абсолютно прав. Заведующий в старорежимных черных нарукавниках и строгих очках в роговой оправе снова обложился пухлыми книгами учета и что-то увлеченно строчил на пожелтевшем листочке, изредка тыкая узловатыми пальцами в калькулятор. Чхать он хотел с высокой колокольни на все эти современные базы данных и автоматизированный компьютерный учет.

— Добрый день, Ёсиф Самыч! Всё проверяете? — с самой дружелюбной улыбкой спросил я, переступая порог душного кабинета.

Он медленно оторвался от бумаг. Несколько секунд Самуилович буквально выныривал из пучины цифр, а затем

его цепкий взгляд поверх очков наконец сфокусировался на мне:

— О! Вася! Здоговьичка Вам! Вы-то мне как газ и нужны!

— Слушаю Вас, Иосиф Самуилович, — я присел на край свободного стула. — А сразу после этого поговорим о холодце на Новый Год? Ну и о сале, само собой.

Я заговорщически подмигнул. Заведующий мгновенно понял, к чему я клоню. В его седой голове, кажется, почти физически послышался шелест хрустящих купюр, и старик буквально просиял, хитро прищурившись:

— Конечно, Василий! Обязательно поговогим! Люди должны помогать дгуг дгугу, в этом и есть вся суть коммэгции.

Прекрасно понимая, что ковать железо надо пока горячо, я пересек кабинет и сел за закрепленный за мной древненький компьютер. Привычным движением щелкнул тугой кнопкой на дребезжащем системном блоке. Монитор жалобно пискнул, началась загрузка Windows.

Пока Самуилович предвкушал легкую прибыль, я уже прикидывал, как переписать конфигурацию. Запустив файловую базу 1Cv7.7, я залез прямиком в таблицы DBF через низкоуровневый редактор. Пришлось вручную подменять таймстампы проведения старых документов и аккуратно сдвигать инвентарные индексы в ведомостях свиноголов. Спустя десять минут плотного стука по клавиатуре Борис превратился в списанный по акту брака фантом, растворив-

шись в формулах отчетности.

Я в последний раз клацнул мышкой по кнопке «Сохранить» и закрыл консоль. Затем запустил основную бухгалтерскую программу, запросил свежий сводный отчет и развернул пузатый монитор к заведующему.

— Всё, Ёсиф Самыч, нет у Вас больше никакой недостачи на текущий период. А совсем даже наоборот — по документам в загоне теперь числится на одну свиноголову больше. Вы только проверьте лично, чтобы старой информации на бумажных носителях нигде не всплыло. Точно уверены, что в центральной бухгалтерии не знают фактических данных за текущий месяц? — я с облегчением откинулся на скрипучую спинку стула.

— Что Вы, Василий! — всплеснул руками Самуилович. — Там же сидят мои говесницы! Они габотают исключительно по бумажкам, а все отчеты от свинофегмы им даю лично я.

Заведующий сладко прищурился, внимательно вглядываясь в ровные столбики цифр на мерцающем экране. Он сверился со своим потрепанным блокнотиком, что-то быстро вписал туда карандашом и, аккуратно сняв очки в роговой оправе, посмотрел на меня с чисто купеческим прищуром:

— Таки какую именно свинку Вы забигать будете, Василий?

— Да вон, Борьку, который вечно около дуба дрыхнет, — я небрежно махнул рукой в сторону открытого окна, выхо-

дящего на леваду.

Иосиф Самуилович степенно подошел к подоконнику, оценивающе прищурился на хряка и уже совершенно другим — строгим, заговорщическим голосом — отчеканил:

— Вечегом. Стгого после десяти. Только не забудь взять с собой хорошей пгикогмки, чтоб этот кабан ушел за тобой без лишнего шума!

— Есть, товарищ самый главнокомандующий! Разрешите выполнять? — я шутливо вытянулся во фрунт и приставил ладонь к козырьку воображаемой фуражки.

— Идите уже, идите, Вася, — благодушно отмахнулся заведующий и снова с головой погрузился в свои загадочные коммерческие расчеты.

Я вышел из душной конторы, тихонько прикрыв за собой дверь. Полдела было сделано. Официально для государства и колхоза Бориса больше не существовало. Оставалось дождаться темноты, забрать Лютеуса и увести нашего нового накачанного друга до того, как его хватятся оранжевые люди из министерства обороны.

Я подошел к дубу, аккуратно перешагивая через доски ограды, и первым делом заглянул в ментальный чат:

«Ну, как вы тут без меня? Не ругались?»

«Ни в коем случае, вели исключительно светские беседы о ботанике», — отозвался Лютеус, и я почти физически ощутил, как он мысленно закатил глаза.

— Понятно. Ладно, план сработал, Самуилович в деле, — я бережно поднял горшок с цветком с земли. — Так, Борька, слушай сюда: как только окончательно стемнеет, я приду за тобой. Чтобы сидел тут тихо и ждал, понял?

«Ды понял я, понял, чего сто раз повторять», — буркнул хряк, укладываясь поудобнее на чистый бок.

— А мы с Лютеусом пока уйдём к дому, чтобы лишний раз на глазах у Даши и трактористов не маячить. До вечера, Борька.

«До вечера», — слаженным эхом отозвалось в моей голове.

Мы двинулись к моему дому, оставив засыпающую свиноферму позади.

ГЛАВА 4. Эффект запечатления

Шлюз и эмоции

Полковник Ивашов был мрачен. Очень мрачен. Он набычился и злобно смотрел на ученых, безвольно мявшихся во входном шлюзе подземной лаборатории. Профессор Серёгин, кандидат биологических наук Егоров и молодой лаборант Конев растерянно перебирали в руках резиновые шлемы от костюмов высшей биологической защиты. Злополучное изделие «Н-083», густо источая миазмы деревенского скотного двора, сиротливо лежало прямо на полу шлюза рядом с тяжелым боксом детектора. Матовый корпус сферы из редкого, высокоструктурированного сплава тускло мерцал едва различимыми руническими глифами Древних, а его центральный зеленый индикатор медленно угасал, покрытый распотякинской навозной жижей.

— Вы вообще понимаете, чем это нам грозит, крысы лабораторные?! — после длительного, удушающего молчания наконец зарычал Ивашов. — Полное свертывание программы и роспуск группы — это еще в самом лучшем случае! Хотя на моем месте я бы вас всех к стенке поставил и лично расстрелял! Живо в свою конуру, и чтобы немедленно начали анализировать данные из памяти изделия! В восемнадцать ноль-ноль доклад и подробная объяснительная у меня

на столе!

— Так точно! — не в лад, испуганно отозвались ученые.

Полковник круто развернулся и вышел наружу, попытавшись на прощание хлопнуть дверью. Но тяжелый люк герметичного шлюза был оборудован силовым гидроприводом и отказался подчиняться человеческим эмоциям. В итоге оба зашипели: один — от бессильной ярости, другой — плавно и плотно задраивая стальную переборку.

— И какая муха его укусила? — лаборант легкомысленно пожал плечами и продолжил шустро выкарабкиваться из плотного оранжевого комбинезона.

— Бешеная, — сердито буркнул Егоров, яростно дергая липучки и застежки на груди.

— Поспокойней, товарищи, держите себя в руках, — седой профессор методично сверял показания контрольных приборов и датчиков дезинфекционного шлюза. Пройдя обязательный цикл гигиенической очистки и ультрафиолетового облучения для дезактивации возможных органических остатков, он спокойно принялся расстегивать свой защитный комплект. — Владимир, шар немедленно в дезинфекционную, после чего тщательно просушить и поместить в испытательную камеру Фарадея. Не забудьте подключить информационный шлейф коаксиальных кабелей и кабель питания.

— Хорошо, Петр Иванович, сделаю, — Конев подхватил одной рукой изделие вместе с детектором, сгрёб в охапку ко-

стюмы и отправился в сторону дезинфекционного бокса. От матового корпуса прибора всё еще исходил едва слышный, зудящий ультразвуковой гул.

Серёгин с Егоровым тем временем прошли в комнату приема пищи или, как они сами её называли, в «буфет».

— По кружечке кофе, Дмитрий, и пойдем смотреть, что у нас там сохранилось в памяти у шарика, — профессор привычным движением поставил медную турку на газовую горелку.

— Придется, — вздохнул кандидат наук. — Этот полкан теперь с нас живыми не слезет.

— Фу, как грубо, Дмитрий, вы же всё-таки кандидат наук, держите марку. А товарищ полковник, между прочим, своим авторитетом покрывает наши нештатные исследования.

— Петр Иванович, да бросьте! Он же явно вынашивает сугубо личные интересы, неужели вы этого не видите?!

Профессор не спеша разлил дымящийся напиток по кружкам, отпил глоток, с удовольствием посмаковал несколько секунд ароматный кофе и мягко возразил:

— Оставьте эти глупости. Да что он вообще в этом может понимать?

— Ой ли! Четкие доклады и промежуточные отчеты требует с завидной регулярностью.

— И вы всерьез думаете, что он их читает? Он же военный до мозга костей, а кость — она, как известно, и есть кость, — тонко улыбнулся Серёгин. — Ладно, допиваем и пойдемте

к Владимиру.

Они быстро опустошили кружки, сполоснули их в раковине и отправились в рабочую зону лаборатории.

— Лично мне сейчас гораздо больше беспокойства доставляет сам факт левитации изделия, — на ходу рассуждал профессор. — Зафиксированная датчиками возможность парения над землёй для науки не менее важна, чем прямой доступ в ноосферу. Мы же с вами на этих нештатных эффектах уже как минимум на две-три Нобелевские премии накопали, так-то!

Мечты полковника

— Чёртовы учёные, они меня точно до инфаркта доведут! — Ивашов со злостью звякнул бутылкой дорогого коньяка о край стакана: - ведь обещали, что никаких отклонений не будет.

Руки полковника заметно дрожали, пока янтарная жидкость лилась через край. «Если кто-то на самом верху, в министерстве, пронюхает, что здесь творится на самом деле, мне не то что погон — головы не сносить. Программу закроют, а меня пустят в расход как свидетеля. Но я слишком долго шёл к этому назначению, чтобы сейчас всё потерять».

Полковник сделал крупный глоток, чувствуя, как обжигающая влага прокатилась по пищеводу. Он вовсе не собирался делиться результатами с государством. У Ивашова на это засекреченное изделие «Н-083» были свои, сугубо личные планы.

— И вовсе не захват мира, нее-ет! — пробормотал он в пустоту командирской палатки, криво усмехнувшись. — Это пускай злобные гении в голливудских фильмах планеты захватывают. Мне не нужны их великие знания, не нужна эта власть. Мне нужны деньги. Очень много денег.

Ивашов зашагал по брезентовому полу из угла в угол. Ноосфера в его понимании была не великим достижением науки, а бездонным информационным сейфом, к которому прибор учёных должен был подобрать идеальный ключ. Полковник грезил о том, как через этот скрытый бэкдор он сможет вскрыть коды доступа к закрытым швейцарским счетам, удаленно взломать защищенные серверы Пентагона или зарубежных бирж напрямую через спутниковые каналы, минуя любые сетевые экраны Земли. Прибор Предтеч должен был дать ему простой способ: как быстро нагрести баснословное

состояние, полностью стереть свое личное дело из баз данных спецслужб, своих и чужих, а затем быстро безболезненно исчезнуть с радаров. А дальше пускай эти лабораторные крысы со своей ноосферой делают что хотят, хоть крошат её ко всем чертям.

После второго стакана алкоголя тупая, ноющая боль в висках наконец ушла, а липкий страх провала притупился. Полковник тяжело опустился на матрас койки, вытянул ноги и прикрыл глаза. ОН пофантазировал еще немного о райских островах, длинноногих островитянках и спустя пару минут уже мирно дремал под мерный гул дизель-генератора, не подозревая, что ключ к его миллиардам прямо сейчас сидит в грязном свинарнике и учится строить ментальные заборы.

И все-таки оно сработало

Главной инженерной гордостью профессора Серёгина был уникальный индуктивно-резонансный интерфейс подключения, без которого изделие «Н-083» так и осталось бы для земной науки глухой матовой сферой. Попытки припаяться к бесшовному корпусу артефакта Предтеч или най-

ти на нем привычные технологические разъемы провалились еще на первых этапах исследований. Тогда Пётр Иванович, после долгой череды опытов и ошибок, спроектировал бесконтактный адаптер — массивную разъемную муфту из сверхчистой электротехнической меди, которая обхватывала шар, словно кольца Сатурна. Внутри этого оголовья виток к витку были уложены тончайшие катушки индуктивности, способные бесконтактно считывать сверхслабые электромагнитные и квантовые флуктуации, пульсирующие на обшивке артефакта. Именно от этой медной муфты в сторону стационарных осциллографов и сканеров Фарадея уходили тяжелые, экранированные шлейфы коаксиальных кабелей, надежно защищенные от внешних наводок.

Однако поймать эти колебания было лишь половиной дела — аппаратура базы принимала из шлейфа сплошной, хаотичный высокочастотный шум, напоминающий белый статический треск. Перевести этот поток данных в читаемые графики и логи волновой активности Пси-поля удалось только благодаря цифровому декодеру, программное ядро для которого лично написал кандидат технических наук Дмитрий Егоров. Дима потратил два года на создание математических алгоритмов, способных вычленять из квантового хаоса структурированные сигнатуры мозговой деятельности. Его декодер работал в режиме реального времени, разбирая «кодировку» Предтеч на понятные земным исследователям изоклины и амплитуды. Только сопряжение придуманного

профессором индукционного интерфейса и программного декодера Егорова позволило ученым взломать брандмауэр артефакта, пробить локальный шлюз в ноосферу и дать старт всему проекту.

— Значит, всё-таки сработал? И как вы это назвали, Дмитрий? Запечатление? — профессор Серёгин усиленно тёр переносицу, не отрывая взгляда от бегущих по экрану логов стационарных осциллографов.

— Да, именно так, Пётр Иванович. Между этими тремя биологическими объектами установилась устойчивая ментальная связь, — Дмитрий Егоров взволнованно постучал пальцем по графикам. — Прибор Конева зафиксировал аномальную амплитуду и грязный, несбалансированный сигнал, который резко оборвался. Изделие «Н-083» сработало как квантовый коммутатор, который насильно объединил три биологических процессора разного класса в общую нейросеть.

— Ментальная связь с растением? — задумчиво протянул Серёгин, качнув головой. — Звучит как ненаучная фантастика. И, кстати, с чего вы вообще взяли, что датчики зафиксировали именно человека, животное и растение?

— Ну, вы же не зря меня в группу взяли, Пётр Иванович! — Егоров победно зажмурился. — Я всю свою научную работу посвятил мозговой деятельности. Мыслительные процессы и импульсы у разных классов живых существ кардинально отличаются, их сигнатуры уникальны. Это прямое со-

пряжение структур высокого Пси-ранга. А про наличие разума — единого коллективного разума в растительном царстве — я давно подозревал. И упорно искал дока

зательства! Но не мог найти, потому что флора общается

не друг с другом напрямую, а через ноосферу. У меня просто не было инструментов, чтобы подключиться к ней, как не было и твёрдой уверенности в её существовании. А теперь, благодаря изделию, этот инструмент у нас есть.

— Вот именно поэтому, Дима, полковник Ивашов о запечатлении знать не должен, — тихо, почти шёпотом проговорил профессор, покосившись на закрытую дверь. — Иначе у него появится отличный повод закрыть наши фундаментальные исследования и передать всё спецслужбам. А органы мыслительной деятельности у растений вы в итоге нашли?

— Не уверен на все сто процентов, но на микроуровне я обнаружил странные клетки, единично и хаотично разбросанные по всему растительному организму. Никакого явного физиологического смысла в них нет — они не участвуют в фотосинтезе или росте, а только пассивно поглощают колоссальные объёмы энергии. Эти клетки функционируют как органические сопроцессоры. Растение не просто мыслит, оно считывает архивы данных на квантовом уровне, словно в его ДНК зашит автономный поисковый алгоритм Древних. Сначала я вообще думал, что это некие генетические мутации, ошибки кодирования ДНК, но потом нашёл внутри этих клеток специфические белковые образования, которых нет ни в одной другой флоре на Земле, и…

— Хорошо-хорошо, — с мягкой улыбкой остановил его Серёгин. — Я вижу, вы сели на своего любимого конька, Дмитрий. Органеллы обсудим позже, а сейчас нам нужно со-

стряпать официальный отчет и докладную записку для Ивашова. Пишем так: зафиксирован удачный кратковременный прокол ноосферы. Факт левитации изделия — сопутствующее физическое открытие, которое, к огромному сожалению, вызвало перегрузку и прервало текущую серию опытов. И всё! Коротко и сухо.

Профессор строго посмотрел на кандидата наук:

— Всё, что касается этих троих запечатленных сигналов — немедленно скопировать на изолированный сторонний носитель и спрятать в самый дальний ящик. Из основной памяти изделия эти логи полностью удалить и запустить поверх несколько циклов принудительной перезаписи случайными секторами. Владимир, у Вас всё готово для диагностики? — повернулся профессор к зашедшему лаборанту.

— Да, Пётр Иванович. Информационный шлейф подключен, питание подано, — отчитался Конев.

— Тогда покиньте испытательный бокс и можете удалённо, с центрального пульта, запускать изделие. Посмотрим, что наш шарик выдаст на этот раз.

Планы захвата сети

Мониторы пульта управления привычно мигнули, выводя результаты принудительного стирания логов. Секретные данные о запечатлении человека, кабана и цветка исчезли из официальных баз данных министерства обороны, превратившись в ровную нулевую изоклину на главном экране.

Полковник Ивашов, мирно дремавший в своем кресле

после двух стаканов коньяка, остался в полном неведении. Для него прибор «Н-083» просто перегрузился и выдал побочный эффект в виде левитации. Полковник никогда бы не одобрил масштабные поисковые мероприятия среди деревенских жителей, поскольку панически боялся огласки и стремился сохранить любые аномальные свойства ноосферы в строжайшей тайне ради своих будущих миллиардов. Спецназ прочесывал окрестности Распотякино лишь для профформы — искали возможные следы диверсии со стороны вероятного противника, но никак не разумную флору и фауну.

Однако для Серёгина и Егорова возникшая триединая сеть стала камнем преткновения. Ученые заперлись в аналитическом боксе, тщетно пытаясь разгадать фундаментальную загадку: почему именно эти три случайных биологических объекта во время сбоя связало в неразрывную ментальную цепь? Каков был физический механизм квантового запечатления? Поверхностных графиков, скопированных на флешку, не хватало — для полноценного анализа причин феномена им позарез нужны были прямые телеметрические данные от всех троих участников аномалии.

Действовать нужно было немедленно, пока квантовый след запечатления не остыл. Пользоваться официальными каналами или привлекать солдат Ивашова было нельзя. Профессор Серёгин тяжело вздохнул, снял очки и повернулся к лаборанту:

— Володя, у вас сегодня по графику вроде бы законный

выходной? Придется вам им пожертвовать ради науки. Возьмите со склада портативный детектор активности ноосферы. Он замаскирован под обычный армейский дозиметр, так что подозрений не вызовет.

— Петр Иванович, вы хотите, чтобы я пошел в Распотякино? — Конев удивленно округлил глаза.

— Именно, — сурово подтвердил Егоров, перебивая профессора. — Полковник ни о чем не должен догадываться. Твоя задача — тайно прочесать деревню по наводящему сигналу детектора. Найди этого человека, найди свинью и найди мутировавшее растение. Хоть свин и заэкранировался относительно общей ноосферы, сигнатуры связи между объектами прибор всё равно увидит. Действуй аккуратно. Расспроси местных, присмотрись. Как только локализуешь цели, попробуй под любым благовидным предлогом заманить их сюда, поближе к внешнему периметру лаборатории. Скажи мужику, что нужно пройти плановый медосмотр после учений, пообещай премию, литр водки, что угодно! Нам нужно продержать их рядом с нашими стационарными сканерами хотя бы полчаса, чтобы снять чистые показатели волновой активности их мозга и клеток. Без этого наша Нобелевка превратится в пшик. Усек?

— Усек, Дмитрий Николаевич, — лаборант решительно застегнул молнию на гражданской куртке и перекинул через плечо ремень брезентовой сумки с замаскированным прибором. — Считайте, я уже ушел. До темноты управлюсь.

Владимир Конев, уже в обычной гражданской одежде, быстро покинул подземный комплекс через резервный технический выход, направляясь в сторону Распотякино.

ГЛАВА 5. Сборы и начало исхода

Набор выживанца

Я вернулся домой в сильном мандраже и первым делом вытащил из шкафа старый, проверенный брезентовый рюкзак. Руки подрагивали, но мозг уже выстраивал четкий алгоритм: раз в округе шастают военные, собираться нужно как на полноценную автономку. В процессе сборов я отчетливо ощутил странные симптомы. Судя по всему, в голове не только появился «узел связи», но и произошли некоторые другие изменения и сейчас восприятие работло в режиме жесткой перегрузки. Я не просто суетился — я видел окружающие предметы с пугающей, почти хирургической четкостью, фиксируя микроскопические детали. Грубая текстура армейского брезента, едва заметные царапины на латунном корпусе отцовского бинокля, мельчайшие песчинки на дне шкафа — всё это обрабатывалось моим сознанием мгновенно, словно зрительный нерв получил новый высокочастотный драйвер, вызывая легкое ментальное головокружение от избытка входящих данных.

На дно рюкзака отправился джентльменский набор для выживания: тяжелый охотничий нож в прочных кожаных ножнах, чудом сохранившийся советский полевой бинокль с отличной оптикой, две надежные зажигалки и на всякий

случай — коробок охотничьих спичек, плотно замотанный в полиэтиленовый пакет для защиты от сырости. Из сеней я притащил плотницкий топор, закрепив его в боковой петле. Подумав немного, добросил коробку с оставшимися от бати рыболовными принадлежностями.

Следующим номером шла одежда. Я сразу свернул в рулон плотную штормовую куртку и прикрепил его снаружи рюкзака, а внутрь упаковал три пары плотных шерстяных носков, по паре трусов и футболок, запасные джинсы и непромокаемый дождевик-пончо, способный укрыть меня вместе с поклажей. Сам я переобулся в разношенные берцы.

Для быстрого перекуса закинул буханку черного хлеба, палку сырокопченой колбасы и пару банок армейской тушенки. Туда же полетела пластиковая бутылка с поллитром ядреной домашней настойки — исключительно для дезинфекции или непредвиденного бартера.

Из документов взял только паспорт. Немного подумав, сунул в кармашек смартфон и зарядник. Сверху бросил моток прочного капронового шнура и, разумеется, рулон синей изоленты — без неё ни один код и ни одно снаряжение в этом мире не держится.

«Программист, твой мозг выдает забавные ассоциации, — раздался в голове ироничный голос Лютеуса. — Этот синий полимерный рулон в твоей памяти зациклен как универсальный восстановитель физических структур, а ноосфера считывает его как костыльный драйвер локального ремон-

та.

Последний пункт предназначался лично для моего зеленого компаньона. Я нашел чистое пластиковое ведерко из-под майонеза с плотной крышкой и доверху насыпал в него родной земли с грядки. Если в дороге глиняный горшок разобьется, придется экстренно пересаживать Лютеуса прямо на ходу.

Самого Нарцисса я выставил в его текущем жилище на подоконник, поближе к свету. И именно в тот момент, когда я затягивал горловину рюкзака, растение внезапно замерло, вытянув сочные листья по направлению к стеклу.

«Василий, прекрати так громко укладывать тушёнку, у меня лепестки вибрируют, — его мысленный голос резко потерял былую ироничность. — Я тут, кажется, только что нащупал новую функцию своего организма. Через ноосферу я могу приблизительно определять местоположение любых мыслящих объектов. И прямо сейчас к границе Распотякино приближается чужак».

«Спецназ?! Военные?» — я замер с зажигалкой в руке, чувствуя, как внутри всё похолодело.

«Нет, сигнал одиночный, но очень странный. Мысли у него сугубо гражданские, сумбурные, а вот в руках он тащит какую-то техногенную штуковину, которая сильно фонит направленным сканирующим излучением. Этот двуногий лаборант ищет именно нас. Наш квантовый след запечатления для его портативного Пси-сканера — как сиг-

нальная ракета в темноте. Прибор работает на индукционных контурах, выслеживая сопряжение наших матриц».

В эту же секунду в наш ментальный диалог со свистом и визгом ворвалась паническая кабанья волна, от которой у меня едва не лопнули барабанные перепонки:

«Уи-и-и! Василий! Жёлтый! Он идёт сюда! Этот оранжевый… то есть теперь он не оранжевый, но прибор у него точно такой же, как у тех, в костюмах! Он уже у забора фермы крутится! Спасите! Заберите меня отсюда! Я забор построил, я бревно мысленное на голову положил, я вообще теперь куча навоза, а не свинья! Но его коробка всё равно трещит прямо на меня! Василий, беги сюда, забирай меня, я под нож не хочу!»

«Борька, не ори в эфир, забор свой ментальный держи! — мысленно рявкнул я, набрасывая рюкзак на плечи. — Лютеус, хватайся за ремни! План с десяти вечера отменяется, уходим прямо сейчас, пока этот лаборант нас в одну кучу не собрал!»

Привлечение сторонних резервов

Огородами и малинником, прижимая к груди горшок с притихшим Лютеусом, я вихрем долетел до заднего двора свинофермы. Проскользнув в приоткрытые двери кормокухни, я сразу наткнулся на Дашу — та как раз возилась с тяжелыми бидонами. Времени на долгие прелюдии не было совершенно.

— Даш, выручай! — тяжело дыша, выдохнул я, заставив

девушку вздрогнуть. — Тут такое дело. Мне Иосиф Самуилович за особые бухгалтерские заслуги Борьку пообещал. Ну, того, что у дуба вечно ошивается. Списать его официально пообещал, короче. Но вон тот подозрительный субъект у ограды, — я осторожно кивнул в сторону окна, где на окраине левады маячил лаборант Конев с трещащим прибором в руках, — от которого за версту несет армейскими полигонами, похоже, собирается мне всё испортить! Нагрянет сейчас с проверкой, и пиши пропало, прощай мой новогодний холодец!

Даша, которая, как известно, уже давно и весьма недвусмысленно посматривала в мою сторону, мгновенно подобралась — я впервые обратился к ней за помощью, и это ей явно импонировало. К тому же свежие воспоминания о недавнем инциденте с наглым лейтенантиком, которого ей пришлось лично вытряхивать из берцев, добавили ей боевого задора. Армейских Даша с тех пор недолюбливала принципиально.

— Ишь чего удумали, ироды, у честных людей последнее отжимать! — решительно заявила Даша, грозно уперев руки в бока. — Не боись, Вася, сейчас мы этого шпиёна обезвредим. Забирай своего Борьку и дуй лесом, я прикрою.

Поправив вырез на легком ситцевом халате и лихо сдвинув косынку набок, Даша уверенной походкой истинной деревенской грации вышла наперерез лаборанту.

Свободу кабану!

Володя Конев, бывший полным новичком в плане общения с противоположным полом, при виде Даши, решительно шагающей в его сторону, мгновенно растерялся. Девушка развернула весь арсенал народной дипломатии. Она с ходу заговорила лаборанту зубы, шумно сокрушаясь о бесконечных военных учениях, из-за которых несчастные коровы якобы перестали нормально доиться, и тут же настойчиво предложила обалдевшему парню кружку парного молока. Конев, ошарашенный таким напором и эстетикой Дашиной фигуры в легком ситцевом халате, потерял дар речи. Он судорожно попытался спрятать свой Пси-сканер в брезентовую сумку, густо покраснел до самых ушей и напрочь позабыл, зачем вообще пришел в эту деревню. Портативный прибор, уткнувшись в тяжелые металлические бидоны, выдал сплошные наводки от статики, полно

стью ослепнув.

Пока Дашка увлеченно разрушала неокрепшую психику лаборанта, я скользнул к леваде. На бегу сорвал с куста охапку сочной травы, перемахнул через ограду и щелкнул тугой задвижкой загона.

— Борька, ходу! — скомандовал я одними губами.

Кабан, не дожидаясь повторения, пулей вылетел из калитки. Мы рванули через пустырь прямиком к спасительной стене леса. Бежать со свиньей наперерез открытому пространству — затея в обычных условиях провальная, но Борька мчался на удивление тихо и споро, его копыта едва касались травы.

Из-за бешеного выплеска адреналина в кабаньей голове сработал инстинкт самосохранения: Борису удалось совершить невозможное — он закрылся в ментальном плане, выстроив тот самый прочный бревенчатый забор, которому его научил Лютеус. В нашей общей сети воцарилась звенящая тишина. Лютеус, удерживающийся корнями в пластиковых стенках горшка у меня в рюкзаке, и так прекрасно умел шифроваться. А вот мне пришлось несладко. Мой мозг, не привыкший к новым нагрузкам ноосферы, буквально взрывался от паники. Пришлось на бегу, спотыкаясь о кочки, судорожно выстраивать мысленный «фаерволл» — изолировать страх, забивать порты вещания случайным кодом и глушить любые всплески эмоций, чтобы не выдать наше трио скани-

рующему прибору Конева.

На самом въезде под сень вековых деревьев я на секунду остановился и обернулся, тяжело хватая ртом воздух.

Из-за кустов было отлично видно, как вырвавшийся от Дашиного обаяния Володя Конев вернулся к старому дубу. Лаборант растерянно водил вокруг себя детектором, силясь поймать хоть какую-то частоту, но прибор в его руках молчал — наш камуфляж сработал! Я радостно хекнул на бегу.

Чуть поодаль, у крыльца кормокухни, стояла Даша. Заметила она меня или нет, я не знал, но девушка улыбалась и тепло махала вслед белым ситцевым платком.

В груди у меня болезненно ухнуло, и появилось нехорошее, тяжелое тянущее чувство. Я ведь только что обманул хорошего человека, который искренне ко мне относился. И самое паршивое — где-то внутри я уже четко понимал, что пути назад нет. Из этого леса я в Распотякино, скорее всего, больше никогда не вернусь, и исправить свой поступок мне уже не суждено.

— Прости, Дашка, — негромко шепнул я в пустоту, развернулся и углубился в чащу, увлекая за собой поумневшего хряка и амбициозный цветок.

ГЛАВА 6. Портальный погребок

Эхо войнушек.

Мы бежали по лесу уже около часа, увязая в глубоком мху и продираясь сквозь бурелом, пока силы не начали иссякать. Внезапно среди вековых дубов показался странный, заросший дикой травой холм. Присмотревшись, я заметил, что под густыми плетями колючей ежевики скрывается покосившаяся деревянная дверь — это был старый заброшенный погреб, когда-то принадлежавший исчезнувшему лесному хутору. Я даже вспомнил, как пацанами мы здесь в войнушку играли. Мы торопливо протиснулись внутрь, затворив за собой тяжелую створку.

В сырой полутьме пахло прелой землей и старой соломой. Немного переведя дух, я стащил рюкзак, присел на старую полку и попытался отдышаться. Когда это мне удалось, я принялся наводить в нашем временном убежище хоть какой-то косметический порядок, расчищая полку для ночлега и сгребая весь мусор в один угол. Судя по всему, куковать нам здесь предстояло как минимум до утра. Мои мысли всё еще крутились вокруг Даши, и я никак не мог избавиться от гнетущего чувства вины за свой поспешный обман.

«Ой, да прекрати ты так громко страдать по этой своей крупнокалиберной самке! — ехидно зазвенело в голове у

меня. Лютеус, которого я аккуратно пристроил на земляной пол, вовсю разминал свои новые подвижные листья. — У вас, людей, гормональные всплески совершенно блокируют логику. Лучше о выживании подумай. Борька, слышишь меня? Хватит дрожать. Давай-ка включай свои новые кабаньи мускулы. Пророй из этого подземелья еще один, запасной лаз вглубь ежевичника, а старый вход мы завалим сухими ветками и листьями.»

Кабан, наконец-то справившись со своей паникой и осознав, что оранжевые люди остались далеко позади, согласно хрюкнул. Он уверенно принялся за работу, мощным пятачком и копытами выгребая неподатливый грунт. Физиологическая модификация под нужды Пси-оперирования сделала его кости и мышцы заметно плотнее.

Пока Боров шуршал землей, а я обустраивал лежанку, Лютеус бросил кратко:

«Шумные вы… пойду я что-нибудь умное пощу,»— и внезапно замолчал. Его бутон странно замерцал в темноте погреба фиолетовыми искрами. Цветок полностью отключился от реальности, глубоко погрузив свои новые длинные корни в земляной пол, уходя в глубокий ментальный заплыв по архивам ноосферы.

Свин закончил с запасным ходом, а я маскировкой его и основного входа ближе к сумеркам. Сухими ветками забросал дверь и прикрыл дыру Борькиного лаза, сверху натянул ежевику, чертыхаясь, что перчаток-то я в рюкзак не

положил. Потом художественно накидал сухих листьев, как смог устранил следы своих действий и, внимательно осмотрев холм издалека, поправил подмятые нами плети ежевики и остался доволен. Настроение у Борьки заметно улучшилось: в процессе расширения подземелья он умудрился наткнуться на три чьих-то старых желудёвых схрона, которые без зазрения совести ограбил, подкрепившись отборными сухими желудями.

Я же к этому времени намучился своими душевными страданиями, вымотался физически и начал тяжело дремать, привалившись спиной к рюкзаку.

Великая гроздь миров.

Мою чуткую дрему бесцеремонно прервали:

«Колоссально! Ошеломляюще! Я нашёл её! Я сделал это!»— внезапно заорал в общем чате Лютеус.

«Мать твою, Лютик! — я мысленно подпрыгнул, едва не выбив головой трухлявое бревно потолка. — Убавь громкость своего мегафона, у меня сейчас череп треснет! Эх, Гугла нет: как поставить сорняк на беззвучный режим?!»

«Слышь, Жёлтый, ты чего орешь? Из-за тебя последний желудь мимо глотки пролетел! — сердито захрюкал из темноты Борька. — Ты там червяка жирного нашёл что ли?»

«Заткнитесь оба, примитивные потребители органики! — Лютеус так яростно шуршал листьями в темноте, что от него во все стороны летели синеватые искры статики.

— Пока вы тут спали и мародерствовали по беличьим заначкам, я совершил прорыв в познании миров! Я пробил глобальный брандмауэр локального сектора и вышел на космологический уровень. Я нашел масштабный информационный конструкт — понятие Великой Грозди миров!»

Я устало протер глаза и зевнул прямо в ментальный канал, транслируя тонну меланхолии:

«Великая Гроздь… Поздравляю, Лютик, садись, пять. А нам-то, беглым ренегатам из Распотякино, с этого что? Нам бы до утра досидеть, чтоб вояки со своими пеленгаторами на хвост не сели.»

«А то, астроном ты недоученный, что Вселенная не ограничивается вашей скучной круглой глыбой! — цветок буквально захлебывался мысленным восторгом. — Ноосфера едина для огромного количества обитаемых систем! Великая Гроздь — это аномально плотное, компактное звездное скопление галактике, за кучу световых лет отсюда! Наша планета оборудована аварийным подпространственным Пси-каналом, как беспроводная локальная сеть. И прямо сейчас я вижу через этот канал обитаемую планету с измененными физическими константами. Там пространство буквально дышит, а Пси-поле имеет такую плотность, что тот кто умеет управлять пси-энергией, вообще будет плевать на законы физики. Похоже, что все фантазии ваших земных писателей-фантастов — это просто эхо данных, которые они случайно выуживали оттуда. У нас есть

идеальный шанс уйти туда через гиперпространственный мост. Оторваться от земных ученых раз и навсегда. Там нас никто не найдет!»

В погребе на секунду повисла ошеломленная тишина. Даже Борька перестал чавкать, переваривая перспективу стать межзвездным путешественником. Я задумался, хочу ли я свалить с Земли? Что ждет меня здесь? Либо прятаться где-то, либо жить программистом в деревне, если ситуация с военными как-то вдруг рассосётся — что маловероятно. Чужой мир... Бросить всё не так-то и легко. С другой стороны — здесь ситуация не лучше: однозначно скрываться большую часть жизни от государственной машины. Придется лезть в криминал, чтобы как-то легализоваться. Иначе жить бомжом или выживанцем в тайге.

Одно радовало — родственников в живых у меня давно не осталось. Отец пил и ушел из жизни, когда я ходил в пятый класс. Мать надорвалась на тяжелой крестьянской работе. До института меня дотащила на своем горбу бабушка, ушедшая сразу после моего выпуска. Просто не проснулась утром.

В другом мире легализация тоже непростой процесс: кто такие, как попали? Но там хотя бы не будет висеть интерес ученных и военных, связанный со всеми этими перипетиями с шаром. Сложно всё. Но магия, ну, или пси-поле, о которых намекал Лютеус — это весомый камешек на весы риска. Неизведанное манит. Я вдруг подумал, насколько легко я принял известия о звездных кластерах и побеге. Видимо,

стресс от текущей ситуации притупил нереальность происходящего.

«Звучит заманчиво, — наконец осторожно признал я, чувствуя, как в крови закипает азарт хакера, нашедшего лазейку в коде. — Из глухой деревни — прямиком к звездам. Но судя по твоему драматическому тону, сейчас последует классическое "но"?»

«Именно, — Лютеус резко посерьезнел, и искры вокруг его бутона угасли. — Есть одно очень весомое "но", Василий. Чтобы активировать пространственный прокол и открыть гиперпространственный мост в этот кластер Грозди, нам нужен огромный, направленный объем энергии. И у нас её, разумеется, нет.»

«И где мы, по-твоему, должны взять этот объем энергии? — я скептически хмыкнул, расстраиваясь и поглубже закутываясь в штормовку. — В Кружинку молнию поймать? Или у Михалыча дизель-генератор скоммуниздить?»

Лютеус на пару секунд задумался, пустив по листьям легкую рябь. В этой тишине из угла испуганно и робко донесся мысленный голос Борьки:

«А желуди не пойдут? Я тут немного… насобирал, они сытные, в них много этой… энергии».

«Избавь меня от своей углеводной диеты, Борис, — вяло отмахнулся от него нарцисс, после чего продолжил уже совершенно спокойно, рассуждая вслух в нашей общей сети: — Теоретически, если судить по тем остаточным волновым

всплескам, которые я зафиксировал во время утренней Пси-перегрузки, мощный автономный источник питания на полигоне точно есть. Какой-то экспериментальный накопитель энергии, который они вытащили наверх.»

Я мысленно присвистнул:

«Предлагаешь ограбить засекреченный военный объект? Отличный план, Лютик! Надежный, как швейцарские часы. Допустим, мы туда как-то проберемся, и я даже вынесу этот их футуристический аккумулятор. Но куда, стесняюсь спросить, эту прорву энергии потом направлять? У меня в рюкзаке, кроме синей изоленты и топора, интерфейсов для подпространственных переходов как-то не завалялось.»

В ответ на мое ехидство цветок лишь легкомысленно двинул листком, словно небрежно отмахнулся от назойливой мухи:

«Ой, не усложняй, программист. Базовая рунная структура пространственного прокола — вообще не секрет. Это открытый аварийный код, оставленный Древними в ноосфере в качестве схемы топологии подпространственного контура. Я с легкостью выужу из архивов нужную геометрию низкоуровневой разметки для Пси-фокусировки и поделюсь ею с вами, и вот тогда придет время — ваша задача достать батарейку. А уж программное обеспечение я беру на себя.»

След утерян.

Пока беглецы в сыром подземелье бурно обсуждали кра-

жу секретных технологий, на военную базу незаметно вернулся Володя Конев. Лаборант выглядел помятым, уставшим и донельзя смущенным. Проскользнув в аналитический бокс, он виновато опустил брезентовую сумку на стол перед Серёгиным и Егоровым.

— Ну? Удалось локализовать сигналы, Володя? — нетерпеливо подался вперед кандидат наук.

— Никак нет, Дмитрий Николаевич, — лаборант густо покраснел, судорожно вспоминая формы доярки Даши и ее разговоры про бидоны. — Прибор сначала выдал короткий всплеск на окраине фермы, а потом словно ослеп. Ровная линия. Я там всё вокруг старого дуба исходил — тишина. Местные говорят, кабан племенной куда-то делся, а усатый программист-бухгалтер из конторы ушел к реке и не возвращался. В общем, зацепки потеряны.

Профессор Серёгин тяжело вздохнул и методично протер очки краем халата:

— Плохо, голубчик, очень плохо. Значит, во-первых, объекты догадались о возможных последствиях, а во-вторых, квантовый след запечатления затухает быстрее, чем мы рассчитывали, либо объекты инстинктивно научились подавлять ментальное излучение.

— Но это же невозможно! — Егоров раздраженно ударил ладонью по столу. — Свинья и растение не могут выстроить осознанный ментальный блок! О каком блоке вообще может идти речь, если даже мы о таких вещах только догадки стро-

им? Нам позарез нужны их показатели волновой активности, иначе вся теория ноосферных интерфейсов останется лишь набором красивых формул. Коллеги, надо думать над следующим вариантом решения проблемы. Раз портативный детектор их не видит, придется разворачивать на полную мощность стационарные сканеры базы. Если мы дадим направленный импульс через изделие «Н-083», это спровоцирует мощный ноосферный всплеск, который вызовет резонансный отклик у объектов. Их щиты просто не выдержат нагрузки и засветятся обратным сигналом, который мы увидим на сканере, где бы в радиусе десяти километров они ни прятались.

— Хорошо, — заключил Серёгин. — Дмитрий Николаевич! Рассчитайте мощность импульса, чтобы нам и свое оборудование не пожечь, да и местным мозги не вскипятить. Вы, Володя, проверьте оборудование и подключения — стандартный набор тестов, будьте добры. А я пока служебку на завтрашний выход "в поле" оформлю, чтобы вопросов не было.

Душевные терзания.

В одном из самых чистеньких и аккуратных домов на окраине Распотякино было непривычно тихо. Даша сидела на диване перед стареньким телевизором, по которому шла очередная заунывная мелодрама. На экране главная героиня снова заламывала руки, страдая по уехавшему в далекие края возлюбленному. А у Дарьи появился странный – порыв

напечь пирогов и идти в лес.

Это была не просто женская интуиция, а неосознанный Пси-призыв от запечатленной с ней троицы, который её мозг интерпретировал как непреодолимое желание найти усатого оболтуса положив все в красивую оболочку неразделенной любви. На её глазах проступили крупные, честные слезы. Ей вдруг стало искренне жалко саму себя. Этот лопоухий обормот явно зацепил её сердце.

Вытерев слезы краем косынки, Даша решительно поднялась с дивана и зашагала на кухню, где на плите уже подходило пышное дрожжевое тесто.

— Ну уж нет, — глухо проворчала она, принимаясь яростно раскатывать скалкой тесто. — Кони по горящим избам не скачут, но я этого оболтуса в лесу не оставлю. Он же там наверняка голодный, а путь к сердцу мужчины, как известно, лежит через желудок. Напеку пирожков с капустой да ливером, найду этого дуралея и посмотрим, чья возьмет.

Наскальная живопись.

«Ладно, Лютик, допустим, батарейку мы у военных отыщем, — я поудобнее перехватил кусок острого обломка кирпича, поднятый у кострища. — Но рисовать-то интерфейс где и чем?»

«Прямо перед собой, на земляной стене погреба, — приказным тоном скомандовал Лютеус. — Я буду транслировать тебе из ноосферы точные геометрические маркеры, а ты — аккуратно выцарапывай их на грунте. Плюс-минус миллиметр в векторе не страшно — наши координаты близки, главное точно задать параметр высоты над поверхностью. А вот плавность линий обеспечь, иначе при подключении энергии нас просто размажет тонким слоем по пространственно-временному континууму!»

Я сглотнул ком в горле и приставил кирпич к сырой стене. В голове появилась картинка от Лютеуса — круг с крестом посредине, а вокруг нее символы. Первый из них светился фиолетовым цветом — сложная, ломаная руна, напоминающая гибрид скандинавского футарка и славянских рез. Я осторожно повел руку вверх… Хрусь! Кусок подсохшей глины отвалился, увлекая за собой половину символа.

«Криворукий двуногий, — мысленно вздохнул цветок. — Удали этот сектор. Начинай заново.»

«Гы-гы, усатый, ты как копытом малюешь, — немедленно подал голос из своего угла Борька, лениво пережевывая очередной желудь. — Давай я лучше пятачком пророю? У меня ровнее выйдет. А ты иди, лопухов мне еще нарви, художник.»

«Заткнись, Борис, не отвлекай программиста от написания кода!» — огрызнулся я, стирая ладонью неудачную попытку.

Следующие два часа превратились в суровое испытание. То стена предательски осыпалась, то у меня от напряжения дрожала рука, из-за чего руна заваливалась набок, вызывая у Лютеуса волну яростного шуршания капилляров. Цветок ругался на латыни, кабан откровенно ржал в ментальный канал и давал советы по ландшафтному дизайну, а я проклинал тот день, когда решил прогуляться к реке Кружинке.

И всё же, после доброго десятка ошибок, ломаных кирпичей и стертых пальцев, у нас всё получилось. На стене погреба красовалась замкнутая в кольцо рунная структура пространственного прокола. Земля внутри вырезанных линий странно потемнела, и от неё потянуло едва заметным, прохладным ветерком, пахнущим незнакомыми чужими цветами. Макет интерфейса подпространственной фокусировки был готов. Оставалось лишь дождаться импульса и достать подходящую батарейку.

Ментальный бестиарий и география

«Всё это прекрасно, но нужно больше информации, — протянул я. — Хотя бы базовый минимум есть? Ну там, география, население? Карта?»

«Обижаааааешь, начальник! — кажется, Лютеус был жутко доволен перспективе еще поумничать. — Давай сначала накидаем на другой стене карту. Бери уголёк!»

Пришлось под его руководством нарисовать контуры кольцевого материка.

«Карта — это хорошо, программист, — продолжил Лю-

теус, плавно покачивая бутоном в темноте угла. — Прокол мы тоже настроили. Но перед тем как прыгать туда, вам с Борисом необходимо загрузить в память локальный бестиарий мира-цели. Я только что завершил глубокое сканирование этнографических архивов того мира. Расселение разумных единиц на том кольцевом материке подчиняется строгой теологической матрице.»

«Слышь, Лютик, а желуди там есть? — подал голос Борис, лениво хрустя своей подземной находкой. — Мне этот ваш бестиарий без нормального продовольственного снабжения вообще не улыбается.»

«Желуди там есть, глупый бекон, а еще там есть те, кто с удовольствием сделает из тебя окорок, если ты не будешь держать ментальный забор, — сухо оборвал его нарцисс. — Слушайте и запоминайте коды доступа. Материк поделен между четырьмя доминирующими расами, и у каждой — свое жесткое представление о главенстве богов и конвертации маны.»

Наша закрытая ментальная сеть наполнилась чересчур четкими мыслеобразами, которые Цветок транслировал напрямую в наше сознания:

«Первые — Люди. Самая прагматичная и понятная нам структура. Молятся богу воздуха Од-Дию, который отвечает за свет и развитие. Люди склонны к прогрессу, строят портовые города и ведут активную торговлю по всему Срединному морю. Люди здесь практически ничем не отли-

чаются от земных. Тот же самый набор из извечных пороков, эгоизма, благодетели и стремления к выживанию. Ничего нового.

Вторые — Гномы. Классический подземный народ. Живут глубоко в горных пещерах. Тяжелые, приземистые создания, обладающие врожденной стойкостью к любой магии. Их мышление структурировано четко, как кристаллическая решетка. Гномы видят мир через вибрации камня и геометрию руд, а их легендарная любовь к деньгам и золоту на самом деле оказалось точной наукой о резонансе металлов. Их код зациклен на боге земли Ирр-Дие. Эти ребята ценят металл, жесткие законы, подземную инженерию и нерушимое постоянство. С ними, если не нарушать их контракты, всегда можно договориться.»

Лютеус сделал паузу, и его листья тревожно завибрировали, передавая в сеть сигнал скрытой опасности:

«А вот дальше начинаются критические системные угрозы. Третьи — Альвы, или, говоря вашим земным языком, Эльфы. Образ полностью лишен приторной сказочной идеальности. Это древние, пугающе холодные и расчетливые существа с утончённо красивыми, но хищными чертами лица. Их сознание переплетено с магий леса настолько сильно, что они кажутся скорее антропоморфными деревьями или стихиями — равнодушными к короткой человеческой жизни и фанатично зацикленными на сохранении векового баланса. Фанатики богини воды Ан-Деа. Они берегут баланс

природы, людей презирают, а чужаков в своих лесах казнят без предупреждения.

И четвертые — Урки, они же Орки. Забудьте про тупых зеленых монстров из компьютерных игр. Здесь это суровые степные кочевники с кожей цвета старой бронзы и тяжелой кости. Их мысли пропитаны жестким кодексом чести, запахом кострового дыма, сыромятной кожи и глубоким уважением к духам предков и законам земли. Они молятся богине огня Ос-Деа. Для них хаос, война и яростное очищающее пламя — это единственный закон жизни. На нейтральных полосах они режут всё, что движется.»

«Веселенькая компания нас там дожидается, — я хмуро посмотрел на угольные контуры материка. — А мирные зоны там вообще существуют?»

«Только Оскор — лесистый остров в самом центре моря, откуда Творец когда-то начинал сборку системы, — меланхолично отозвался Лютеус. — Там никого нет, кроме спящих Драконов. Но учтите: на материке есть еще две дефектные группы. Гоблины — невысокие существа с серой кожей и крупными подвижными ушами. Хаотичные лесные твари, результат запретного смешения крови эльфов и орков, их даже за расу не считают. Ну и Гремлины — мелкие, гиперактивные алхимические вредители, которые вечно взламывают чужие механизмы. Обладают хаотичным разумом, живущим в режиме постоянного технологического поиска — их мысли в ноосфере похожи на искрящуюся ого-

ленную проводку. А еще есть… гм, назовём их нежитью — визуально это нечто среднее между черной бесформенной кляксой тьмы и привидениями. В ноосфере эти существа воспринимаются как ментальные пустоты, где полностью отсутствует какое-либо эхо — вместо мыслей там царит статическая тишина и вечный голод увядания. В общем, пользователи, конфигурация мира сложная. Учите матчасть, пока мы на Земле, времени у нас в обрез.»

Борис испуганно шмыгнул носом и плотнее прижался своим толстым боком к моим ногам. Программа нашего прыжка в неизвестность обитаемого кластера далекой галактики обретала всё более суровые очертания.

— Погоди, а артефакт? Высокие технологии, космолеты с гиперприводами? — удивился вдруг я, прерывая его лекцию и хмуро глядя на угольные контуры кольцевого материка. — Мы тут, получается, грабим секретную базу ради квантового аккумулятора, чтобы в итоге приземлиться в дремучее средневековье к эльфам с луками и оркам с ятаганами? Как в этой твоей Гросди совмещаются космические перелеты и телеги с деревянными осями?

«Программист, не путай локальный узел и всю сеть, — ворчливо прошелестел в ответ Лютеус, меланхолично шевельнув верхним листом. — Мой "приемник" сейчас работает на пределе возможностей, но его мощности банально не хватает, чтобы разогнаться выше второй космической и выдать мне логи о том, что происходит за границами ат-

мосферы целевой планеты. То ли эта Великая Земля, которую местные называют Викоирром, висит в каком-то глухом карантине Предтеч под защитным экраном, то ли физические расстояния между обитаемыми мирами в этом звездном кластере слишком велики для прямого сканирования. Я вижу только то, что зашито в локальных пластах планетарной ноосферы».

Цветок на секунду замер, и искры вокруг его бутона тускло мигнули:

«А на самой поверхности этой обитаемой глыбы камня сейчас действительно царит суровый средневековый феодализм. Меч, лук и та самая "магия", которая на поверку оказалась костыльным, устаревшим софтом для управления физическими переменными. Местные расы деградировали, растеряли космические базы данных и придумывают заклинания-плетения, чтобы хоть как-то использовать энергию ноосферы без нейросетей. Так что конфигурация сложная, Василий.

«Какие еще нейросети? Алиса в доспехах или Чатджипити на коне, что ли?» — совсем потерялся я

«Твоя земная "Алиса" — это просто примитивный текстовый скрипт, баловство для ленивых двуногих, — ворчливо прошелестел в ответ Лютеус, меланхолично шевельнув верхним листом. — Ноосферные пласты звездного кластера содержат обрывки куда более серьезных кодов. Настоящие нейросети Древних — это сложнейшие биокванто-

вые импланты, которые вживлялись прямо в кору головного мозга и позволяли оперировать физическими переменными на уровне ядра системы, с КПД в сто процентов. Прямое Пси-управление техникой, базами данных, пространством... Но информация об этом в локальной сети Викоирра скомкана, там сущие крупицы данных».

«Ладно, по крайней мере с инфильтрацией проблем меньше будет – в средневековье с документами попроще было» - вздохнул я и вновь задумался:

«Погоди, Лютик, если нейросеть в этих твоих Мирах Содружества — это жесткий аппаратный имплант, который нужно физически вживлять в черепушку, то как я-то ухитряюсь выходить в этот ваш локальный ментальный чат? У меня в голове, кроме школьных знаний физики и программистских алгоритмов, никакой электроники сроду не водилось. Как софт встал на пустое место?»

«В том-то и цинизм ситуации, программист, — в общую сеть полетел сухой, шуршащий смешок Нарцисса. — Обычным гражданам Содружества действительно нужны дорогие искусственные импланты, чтобы их Пси-индекс мог дотянуться до управления энергией. Но Изделие "Н-083" — это квантовый коммутатор Древних, сработавший в режиме аварийной перегрузки. Тот сиреневый импульс не просто бахнул на свиноферме, он принудительно взломал и перепрошил саму биологическую матрицу твоих мозговых структур, открыв в них скрытые, спящие Пси-каналы наивыс-

шего S-ранга. Твоя "нейросеть" — чисто органическая, она скомпилирована из твоих собственных нейронов на уровне живых клеток. Тебе не нужны костыли каких бы то ни было имплантов, баз данных, Василий. Ты оперируешь сырой маной напрямую через ядро ноосферы, минуя любые аппаратные ограничения. Так что завязывай с расспросами, и ложись спать – тебе надо вздремнуть перед захватом аккумулятора.»

ГЛАВА 7. Диверсанты поневоле

Переквалификация

Новое утро занималось лениво и неохотно, укутывая кромку леса у военного полигона плотным слоем седого, холодного тумана. Солнце еще не показалось из-за горизонта, но небо на востоке уже окрасилось в тревожные розовато-серые тона. Трава на лесной опушке стояла сизая от обильной росы, а в воздухе пахло сырой корой, хвоей и едва уловимым, чуждым этой глуши запахом дизельного выхлопа, доносившимся со стороны забора.

Мы с Борисом уже пару часов как обосновались в густых зарослях орешника, буквально в тридцати метрах от колючей проволоки. Я, кутаясь в штормовку, не отрывал от глаз тяжелый советский бинокль, методично изучая подсказываемые Лютеусом подходы. Модифицированный Пси-модификацией высшего S-ранга мозг воспринимал тактические подсказки Цветка как элементы дополненной реальности. Я отчетливо видел упругие травинки, мешающие обзору часового, и чувствовал эманации Нарцисса, которые мягко вели меня по мертвым зонам видимости вышки. Забор выглядел весьма хлипко — столбики и три нитки обычной колючки. На территории полигона, кроме часовых, не было видно ни одного шевеления.

Рядом в земляной лежке, затаив дыхание, распластался Борька. На удивление, кабан держал свой ментальный забор идеально, не издавая в эфир ни единого писка, сдерживая тяжелое дыхание и транслируя наружу кабанью безмятежность. Лютеус, сидевший в рюкзаке, который лежал рядом, работал живым радаром, транслируя в чат четкие тактические подсказки. Попутно он пытался наскоро вбить мне в голову основы скрытных перемещений и проникновения. Я старался не вникать в надежность его источников. Как ни странно, идея ухода в другой мир четко укоренилась в моей голове и уже не вызывала ни сопротивления, ни отторжения. Даже предстоящий риск не сильно будоражил кровь — это было странно, но приемлемо.

«Прямо по курсу, под маскировочной сетью — оголовок подземного бункера, где работают ученые», — мысленно шептал цветок, сверяясь с ноосферными эманациями. — «Основная лаборатория там, под землей. А на поверхности хозяйственный блок: десяток разнокалиберных палаток — жилье, склады, казармы, подстанция с дизель-генераторами и две вышки с часовыми. Караульные сонные, меняются через сорок минут. А теперь внимание на третью палатку слева, с двойным тамбуром — это, вроде, склад учёных. По устойчивым волновым всплескам вижу — экспериментальный накопитель там. Его вытащили наверх, видимо, для полевой калибровки. Энергия от него фонит так, что у меня аж лепестки чешутся. Палатка очень удачно стоит

— недалеко от забора и почти под вышкой. Первый рывок до забора и его преодоление. В этом тебе поможет вон то начало овражка. Потом остановка под вышкой, там тоже есть где затихариться. А потом второй рывок к палатке. Обратно в том же порядке. Борис будет отвлекать часовых, а все остальные еще должны спать».

Я качал головой — ну какой из меня диверсант? Однако всё, что мы видели, говорило о том, что к охране секретности здесь по непонятной причине отнеслись спустя рукава, и у меня есть все шансы провернуть нашу задумку.

По ту сторону забора

Пока троица вела разведку, в подземном бункере царил привычный научно-исследовательский хаос. Ученые вовсю собирались «в поле», но явно задерживались из-за внезапно вспыхнувшего спора над сложными расчетами. Профессор Серёгин и кандидат Егоров яростно размахивали распечатками графиков у центрального терминала.

— Дмитрий, мы обязаны внести поправку на положение солнца! — горячился профессор, протирая очки. — В утренние часы оно выступает как постоянно возрастающий источник электромагнитного возмущения. Если мы не учтем помехи от солнечного ветра, наш направленный ноосферный импульс просто растворит в ионосфере!

— Пётр Иванович, это паранойя, мы потеряем драгоценное время! — раздраженно отмахивался Егоров, натягивая полевую куртку. — Аппаратура экранирована, запуск нужно

делать сейчас, пока датчики шара стабильны! Моя инверсия частоты выстроена четко, а ваш индукционный интерфейс подключения и медная муфта могут не выдержать обратного тока, если кривая гистерезиса деформируется под влиянием солнечной радиации!

— Оставьте эти глупости, Дмитрий, — мягко возразил Серёгин, педантично протирая линзы очков краем халата. — Мой индукционный интерфейс рассчитан на любые Пси-колебания ядра. Позаботьтесь лучше о волновом векторе и амплитуде Пси-эха.

Конев, не обращая внимания на ученый спор, проверял по списку собранное оборудование и укладывал чувствительные приборы в специальные экранированные кейсы для защиты от статического фона. В его голове мелькали обрывки вчерашнего утреннего разговора с дояркой вперемешку с планами на следующий выходной. Он уже представлял себе, как будет посмеиваться над лейтенантом, с лица которого только недавно сошли следы «предварительных ласк». Это будет сладкой местью за его неприятные шуточки в сторону Владимира о его неопытности в плане женского общества. Слабая улыбка не сходила с лица молодого лаборанта.

В это же время в большой командирской палатке на окраине лагеря мучился полковник Ивашов. Он сидел на походной койке, обхватив раскалывающуюся с бодуна голову руками, и хмуро размышлял о бренности бытия. Сухой металлический привкус во рту и ноющая боль в затылке отбивали

всякое желание служить Родине.

«И на кой хрен этим яйцеголовым опять приспичило выбираться из своего бункера ни свет ни заря? — злобно думал полковник, косясь на пустую бутылку из-под коньяка. — Сидели бы под землей, циферки считали. Надо бы пойти, что ли, караулы проверить. Или забить на всё и еще пару часов подремать? Караул по периметру, патруль — мышь не проскочит…» В итоге лень и похмелье победили — Ивашов со стоном повалился обратно на подушку.

А со стороны Распотякино, не подозревая о военных тайнах, решительной походкой шла Даша. Девушка поднялась с самого ранья, чтобы успеть до начала утренней смены на ферме найти Василия и вернуться назад. В руках она бережно несла тяжелый узелок, от которого на весь утренний лес одуряюще пахло свежими, еще теплыми пирожками с капустой и ливером. На её лице читалась непоколебимая решимость: Даша была твердо уверена, что никакой программист не имеет права пропадать в чаще голодным, и если ради его спасения придется перевернуть весь этот чертов лес, она сделает это без лишних разговоров.

Первый шаг

Не дожидаясь смены караула, мы решили начинать действовать. Надеюсь, под конец дежурства бдительность солдат сильно снизится. На вышке у колючей проволоки сонно переминался с ноги на ногу молодой часовой. Он лениво наблюдал через утреннюю дымку за огромным грязным каба-

ном, который на опушке леса мирно ковырял пятачком прелую листву. Солдат понятия не имел, что этот хряк прямо сейчас держит в голове ментальный щит, да и не интересовало его это, потому что сам часовой в своих мыслях мучительно выбирал между сочной свиной отбивной и шматком соленого сала с чесночком.

Пока боец пускал слюну на гастрономические фантазии, я, пользуясь высокой травой, которой зарос неглубокий овражек, и густым туманом, по-пластунски прокрался к самому основанию забора. Лютеус, оставшись на лёжке в рюкзаке, сжался в комок, боясь издать даже мысленный шорох. Приблизившись к колючей проволоке, я аккуратно набросил на нее плотную штормовую куртку, прижал нижнюю жилу к земле и, стараясь не звенеть пряжками, ловко протиснулся внутрь охраняемого периметра полигона. Борька по-прежнему изображал голодного кабана, готовый в любую секунду рвануть мне на подмогу, если что-то пойдёт не по плану.

Затаив дыхание, я на четвереньках пробрался мимо кустов облепихи и скользнул под вышку часового, чьи мысли всё еще были заняты шматком сала, и прилег у стопки сложенных там досок. У «моего» часового тут мертвая зона, а вот второй часовой мог и увидеть, и доски были еще одной ошибкой в выстроенной обороне противника.

«Тьфу-ты! Уже штампами заговорил!», — поморщился я.

«Тихо! Жди!» — зашипел нарцисс в чате. — «Скоро мимо

вышки пройдет патруль. Как только он пройдет и свернет за палатку — твой выход».

«Понял-принял», — я замер у досок.

Небо всё светлело, но здесь пока была тень, которая вместе с углами обзора давала хороший шанс остаться незамеченным. Да и расслабленность патруля должна сыграть свою роль. Все-таки мы не у границы, да и объект не выглядел особо важным — палатки старые, ограждения сделаны наспех.

В это же время глубоко под землей ученые наконец-то поставили жирную точку в затянувшихся расчетах, решив ввести всего один поправочный коэффициент и пренебречь другим, наличие которого могло бы привести к долгим перерасчётам.

— Всё, Дмитрий, консенсус найден, — устало выдохнул профессор Серёгин, разглядывая финальный протокол. — Владимир, вы закончили паковать приборы?

— Да, Пётр Иванович, — тряхнул головой Конев, выплывая из своих розовых мечтаний. — А зачем мы их вообще так упаковываем перед каждым выходом?

— Есть протокол, Владимир, — тут же взял лекторский тон профессор. — Таким образом мы уменьшаем возможность попадания посторонних частиц на чувствительные элементы. Защита индукционных контуров от Пси-шумов и статического фона — это основа. Именно поэтому ваша должность, хоть и кажется незначительной, очень важна. От ваших действий также зависит чистота экспериментов, как

и от наших расчетов.

Владимир молча кивнул, тайком поморщился — занудность и педантичность профессора иногда сильно надоедала.

Исследователи во главе с Серёгиным дружно подняли экранированные кейсы и начали подтягивать тяжелые оранжевые костюмы высшей биозащиты к выходному шлюзу бункера. Процесс гигиенического шлюзования и дезактивации органики шел строго по протоколу. До начала масштабного ноосферного резонанса, который должен был вскрыть все запечатленные сигналы в округе, оставались считанные минуты.

В командирской палатке полковник Ивашов, покрутившись с боку на бок и помучившись от сухости во рту, принял решение: «К черту караулы, пускай разводящий сам с ними ковыряется», — хмуро подумал он, натягивая одеяло до самого носа.

— Дневальный! До десяти утра меня не будить, — полковник сладко зевнул, перевернулся на правый бок и снова крепко заснул, выбывая из игры на ближайшее время.

А Даша тем временем зашла вглубь лесного массива и внезапно поймала себя на странном, пугающем ощущении. Она родилась и выросла в Распотякино, знала этот лес с самого детства вдоль и поперек, но сейчас деревья словно поменялись местами. Локальная ноосферная частота Грозди миров уже искрила от прогрева генераторов базы, сгущая Пси-морок. Тропинка растворилась в густом папоротнике, а

туман стал таким плотным, что в трех шагах ничего не было видно. Даша поняла, что умудрилась в трех соснах заблудиться. Тяжело вздохнув, она аккуратно пристроила узелок на колени, следя, чтобы тепло пирожков не ушло, и присела на поросший мхом старый березовый пенёк.

— Ну и дела, — с грустной, но доброй улыбкой тихонько проговорила Даша в пустоту туманного леса. — Прямо как в той сказке: «Не садись на пенёк, не ешь пирожок». Ладно, Вася, посижу чуток, дух переведу — и всё равно тебя из-под земли достану. Пирожки вот только остывают.

Она и не подозревала, что сидит всего в пятидесяти метрах от замаскированного погребка, ведомая неосознанным Пси-призывом своего усатого программиста.

Шаг два

Лютеус в оставленном снаружи рюкзаке работал как идеальный навигатор, посылая в мозг короткие импульсы: «Замри, патруль. Потом прямо, пять метров до палатки с двойным тамбуром».

Я напрягся. Нарушая все уставы, мимо прошло несколько солдат, обсуждая, как они сегодня будут тырить со склада ученых спирт. Наверное, можно было просто пройти мимо них не прячась. Но я решил не рисковать и продолжал неподвижно лежать, пока они перебрасывались парой фраз с часовым на вышке. Того настолько захватили кулинарные картинки, что он предложил разводящему подстрелить кабана на опушке. Я насторожился, готовясь дать команду Борису

валить в лес, однако сержант без колебаний запретил: «Ивашов с бодуна спит, а ты чё там, головой что ли ударился? После грохота от калаша и тревоги он не будет разбираться, зачем нам кабан! Мы всем нарядом потом с кухни не выползем».

Выдохнув, я дождался, пока караул завернет за следующую палатку по направлению ко второй вышке, пробрался к тамбуру палатки и юркнул за брезентовый полог склада. Внутри было прохладно и темно. Вдоль стенок стояли небольшие стеллажи с разнокалиберными ящиками. Я похолодел, представляя, сколько времени у меня займет поиск аккумулятора. Но в самом центре, на складном столике в окружении приборов, испуская знакомое слабое фиолетовое свечение, лежал именно он — экспериментальный накопитель энергии. Я подошёл ближе, и Лютеус подтвердил:

«Точно он!» — его виртуальный голос даже дрогнул. — «Такая прорва энергии!»

Аппарат размером с автомобильный аккумулятор тихонько вибрировал, и от этой вибрации у меня на затылке снова зашевелились волосы.

В этот же самый момент на выходе из подземного бункера Конев, Егоров и Серёгин застегнули последние клапаны на своих комбинезонах и открыли герметичный люк. Издав привычное шипение, гидропривод шлюза выплюнул оранжевых исследователей под светлеющее небо и плотно закрылся.

Добравшись до большой палатки, в которой проводились поверхностные эксперименты, ученые методично расставили принесённое оборудование, произвели запитку пульта управления и приступили к настройкам. Через пару минут Егоров произнёс:

— Всё, Пётр Иванович, расчетные данные введены, — Дмитрий решительно щелкнул тумблером на выносном пульте. — Изделие «Н-083» запитано по основному контуру, и я на всякий случай подключил его по резервному. Начинаю прогрев излучателей для местного резонанса — исходная температура не соответствует штатной, и кривая гистерезиса не сходится с шаблонной. Пять минут до пуска рассеянного импульса!

Лабораторные генераторы зарычали, накачивая аппаратуру энергией для импульса.

В командирской палатке полковник Ивашов перевернулся на правый бок, натянул одеяло до самого носа и погрузился в глубокий сон. А на замшелом березовом пеньке Даша улыбнулась, открыла узелок и достала еще горячий и умопомрачительно пахнущий пирожок с капустой.

— Васька, пропускаешь самое вкусное, где бы ты ни прятался, — весело подмигнула она качающемуся стеблю папоротника.

ГЛАВА 8. Шаг в неизвестность

Исход

Действуя на чистом, звенящем адреналине, я аккуратно подхватил гудящий синевой накопитель. Прибор оказался на удивление тяжелым, а его металлическая обшивка ощутимо вибрировала, словно внутри билось чужое механическое сердце. Чтобы хоть как-то скрыть это предательское, притягивающее взгляд неоновое свечение, я плотно замотал аппарат в штормовую куртку. Получился увесистый, громоздкий сверток.

Распластавшись в траве, я на карачках пополз обратно к линии ограждения, волоча добычу под мышкой и молясь, чтобы сонный часовой на вышке не вздумал именно сейчас зевнуть и посмотреть вниз. Лютик в рюкзаке замер, сжав свои ментальные порты до минимума, а Борис на опушке леса, продолжая мастерски изображать из себя невинную лесную достопримечательность, начал нервно похрюкивать и крутить головой по сторонам.

Я почти бесшумно перевалился за периметр (прям спецназовцем себя почувствовал, чесслово!). Так как куртка была использована как сумка, пришлось изрядно поцарапаться о колючую проволоку. Когда шипы вцепились в ремень, не желая меня отпускать, я уж успел обреченно подумать: «Ну

все, сейчас зашумит!», но пронесло – как-то плавно проволока соскользнула, выпуская меня в уютный овражек. Подхватившись, я как геккон то ли ползком, то ли на четвереньках добрался до лёжки, подхватил оставленный в кустах брезентовый рюкзак с Лютеусом и закинул его на плечи.

Прокол не прокалывается

— «Батарейка у меня! Сваливаем, тихо и быстро!»

Повторять дважды не пришлось — Борька сорвался с места с грацией испуганного бегемота, мощно оттолкнувшись копытами от сырой земли. Я прижал драгоценный сверток к груди, и вся наша запечатленная троица во весь дух, но стараясь не сильно хрустеть, помчалась обратно, прочь от полигона, углубляясь в чащу леса. Деревья мелькали по сторонам смазанными серыми тенями, ветки хлестали по лицу, а в ушах стоял непрерывный гул накопителя. Мы мчались прямиком к замаскированному холму, прекрасно понимая, что счет теперь пошел на секунды.

Влетев в заросший погреб и тяжело отдуваясь, мы мгновенно заполнили тесное пространство запахом пота, шумом и адреналином. Борис с грохотом ввалился следом. Я не стал терять ни секунды — подскочил к вырезанной на стене рунной структуре и, содрав штормовку, с силой вжал тяжелый накопитель в земляное гнездо. Руны под моими пальцами тут же голодно мигнули, наливаясь ровным, гудящим фиолетовым светом.

— «Внимание, сопряжение контуров завершено!» — мыс-

ленно крикнул Лютеус, его стебель натянулся как струна, *«Удерживайте барьеры, сейчас начнется»*

«Чем держать, умник?» - в запале выпалил я

«Да хоть руками…» - как-то грустно вымолвил цветок И добавил чуть позже:*«Не хватает мощности – не открывается прокол…»*

Неожиданная помощь

В это же самое мгновение рядом с бункером злой Дмитрий Егоров ударил кулаком по панели управления, подключая резервный контур. Кривая гистерезиса, уже десять минут не желавшая принимать нужную форму на мониторе, наконец-то выровнялась в идеальную дугу, а упрямые приборы зафиксировали устойчивый резонанс на требуемых частотах импульса.

— Есть! Петр Иванович, чисто ложится частота! Напряжение в контурах «Изделия Н-083» на максимуме! — торжествующе крикнул лаборант Конев.

— Запуск, Дима! Выжимай рубильник! — скомандовал профессор Серёгин, зажмурившись от предвкушения.

Егоров с силой толкнул тугой стальной рычаг вперед. Лабораторные излучатели мгновенно выдали мощный импульс чистой ноосферной энергии, швырнув его во все стороны от полигона.

Нежданный попутчик

Забравшись в густые заросли ежевики на невысокий холм, Даша как раз осторожно усаживалась на корточки, придер-

живая подол сарафана — против природы, и вправду, не попрешь. Внезапно земля под её ногами задрожала и предательски ухнула вниз.

— Ух, Й-ё-о! — только и успела выкрикнуть Даша, взмахнув руками.

С целым ворохом сухих листьев, комьев земли и своим узелком она с грохотом рухнула спиной вперед прямиком в темноту того самого погреба, приземлившись на кучу старой соломы прямо за спиной ошарашенного Бориса.

В ту же секунду направленная волна Пси-резонанса от полигона долетела сюда и ударила по вырезанным на стене рунам топологического контура. Накопитель завыл на ультразвуковой частоте, и вся комната озарилась ослепительным, ядовито-фиолетовым пламенем подпространственного прокола. Стены погреба пошли глубокими трещинами, обнажая сияющую бездну звездного кластера Великой Грозди.

Фиолетовое пламя взвилось до самого потолка, жадно слизывая сырую глину со стен. Воздух в погребе мгновенно сгустился, превратившись в искрящееся статикой желе, в котором Дашино падение словно замедлилось. Гравитация локально сошла с ума.

Девушка сидела на соломе, ошарашенно переводя взгляд с крупного подтянутого кабана на меня и на светящийся цветок в рюкзаке. В ее голове явно происходил какой-то сдвиг, квантовый коммутатор Изделия принудительно сопрягал её биополе с нашей Пси-матрицей, активируя пассив-

ный интерфейс сети. Однако истинно деревенская практичность победила даже межпространственный коллапс. Даша покрепче перехватила свой узелок, из которого все еще струился аромат домашней выпечки, округлила глаза и немного растерянно сказала:

— Васька… А я вам тут пирожков напекла…

Договорить ей не дал подпространственный прокол. Рунный контур на стене с оглушительным, хрустальным звоном лопнул, разверзая под нашими ногами сияющую фиолетовую воронку червоточины. Нас всех одновременно оторвало от земли и с дикой силой втянуло внутрь. В один общий фиолетовый вихрь закрутило меня, совсем по-поросячьи взвизгнувшего Борьку, Лютеуса, Дашу, комья земли, солому и узелок с пирожками. Секунда ослепительной вспышки — и мир вокруг нас перестал существовать, схлопнувшись в точку.

Старый погребок на окраине леса содрогнулся. Сгнившие бревна перекрытий с грохотом рухнули внутрь, земля осела, и аномальная зона превратилась в самый обычный заваленный холм, густо заросший колючей ежевикой. Снаружи не осталось видимых следов произошедшего перехода.

А в палатке ученых вернувшийся высокочастотный Пси-откат выдал сокрушительный обратный удар. Из-за перегрузки по всем силовым цепям лаборатории сработал эффект домино: индукционная медная муфта профессора Серёгина с оглушительным треском превратилась в оплавленный кусок шлака, коаксиальные кабели испарились внутри

резиновой оплётки, а один за другим вышли из строя все основные дизель-генераторы. Экран центрального пульта лопнул, засыпав Егорова искрами и осколками, а программный декодер на сервере полностью выгорел, безвозвратно затирая логи случайным цифровым мусором.

Наземную часть полигона качнуло, словно при сильном землетрясении. Звуковой удар и хлопки генераторов мгновенно выдернули полковника Ивашова из его похмельного сна. Он подскочил на койке, запутавшись в одеяле, и едва не свалился на пол. В ужасе он осознал, что его скрытый информационный бэкдор к швейцарским миллиардам только что превратился в пепел.

— Диверсия! Нападение! — истошно заорали на улице дежурные сирены, и этот вой тут же поставил на уши всю роту охраны полигона. Солдаты на ходу застегивали бронежилеты и хватали автоматы, часовые палили в туман по невидимым целям, а полковник Ивашов, матерясь на чем свет стоит, судорожно искал в темной палатке свои берцы.

Но ловить было уже некого – Земля отпустила всю, теперь уже четверку в просторы Миров Содружества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.